

А. КОТОВ

**В ЛАГЕРЕ
СЧАСТЛИВЫХ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1988**

А. КОТОВ

К-736

В ЛАГЕРЕ СЧАСТЛИВЫХ

Детская библиотека
имени ~~КОТОВА~~ КОТОВОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1938

У МЕДВЕДЬ-ГОРЫ

На южном берегу Крыма, между Алуштой и Ялтой, у самого синего моря, возвышается гора Аю-Даг. Аю — по-татарски — медведь, Даг — гора. И на самом деле, эта огромная, изборозженная частыми морщинами гора похожа на прильнувшего к воде гигантского медведя.

У подножья горы расположился всесоюзный пионерский лагерь — Артек.

На вершину Аю-Дага залетают звонкие пионерские песни. Иногда артековцы гуськом, по узкой извилистой тропинке, забираются на мощную спину Медведь-горы.

Далеко-далеко видно с Аю-Дага. Вон, на горизонте, в дымке тумана, как бы плавают Судакские горы. А морю и конца-краю нет.

«...Мысль об организации пионерского санатория в Артеке у меня возникла, когда я в тихий осенний вечер бродил по берегу моря около Аю-Дага. Золотились вершины гор, тихо шумели дубы и сосны; поступь шагов заглушалась плеском волны...» — писал старый большевик Зиновий Петрович Соловьев.

Более удобное место для пионерского лагеря, нежели Артек, едва ли можно было бы и выбрать. Огромная Медведь-гора защищает его от резких восточных ветров. Мощный хребет Яйлы не пропускает северные холодные ветры. Покрытый субтропической

растительностью берег в Артеке сбегает к морю красивыми крутыми уступами.

И вот в 1925 году у подножья Аю-Дага, в Артеке, до революции принадлежавшем помещику Первушину и заводчику Виннеру, возник веселый и жизнерадостный лагерь пионеров.

Теперь в Соловьевском домике в Артеке можно видеть картину, написанную при возникновении лагеря. На фоне огромного Аю-Дага, голубого моря, чистого неба и яркой южной растительности белеют парусиновые палатки. Таким был лагерь в первое лето своего существования.

Первое время пионеры жили в парусиновых палатках. Вся мебель состояла из грубых длинных столов и скамеек. По вечерам в лагере тускло светили керосиновые лампы.

Но пионеры были и тогда несказанно довольны. Горячее южное солнце, море, походы и экскурсии, занимательные беседы у вечерних костров, игры в золотых от солнца рощах, ломаные линии гор и скал, грохочущие штормы, корабли, плывущие в неведомые дали, крепкая дружба — все это делало лагерную жизнь чудесной и привлекательной.

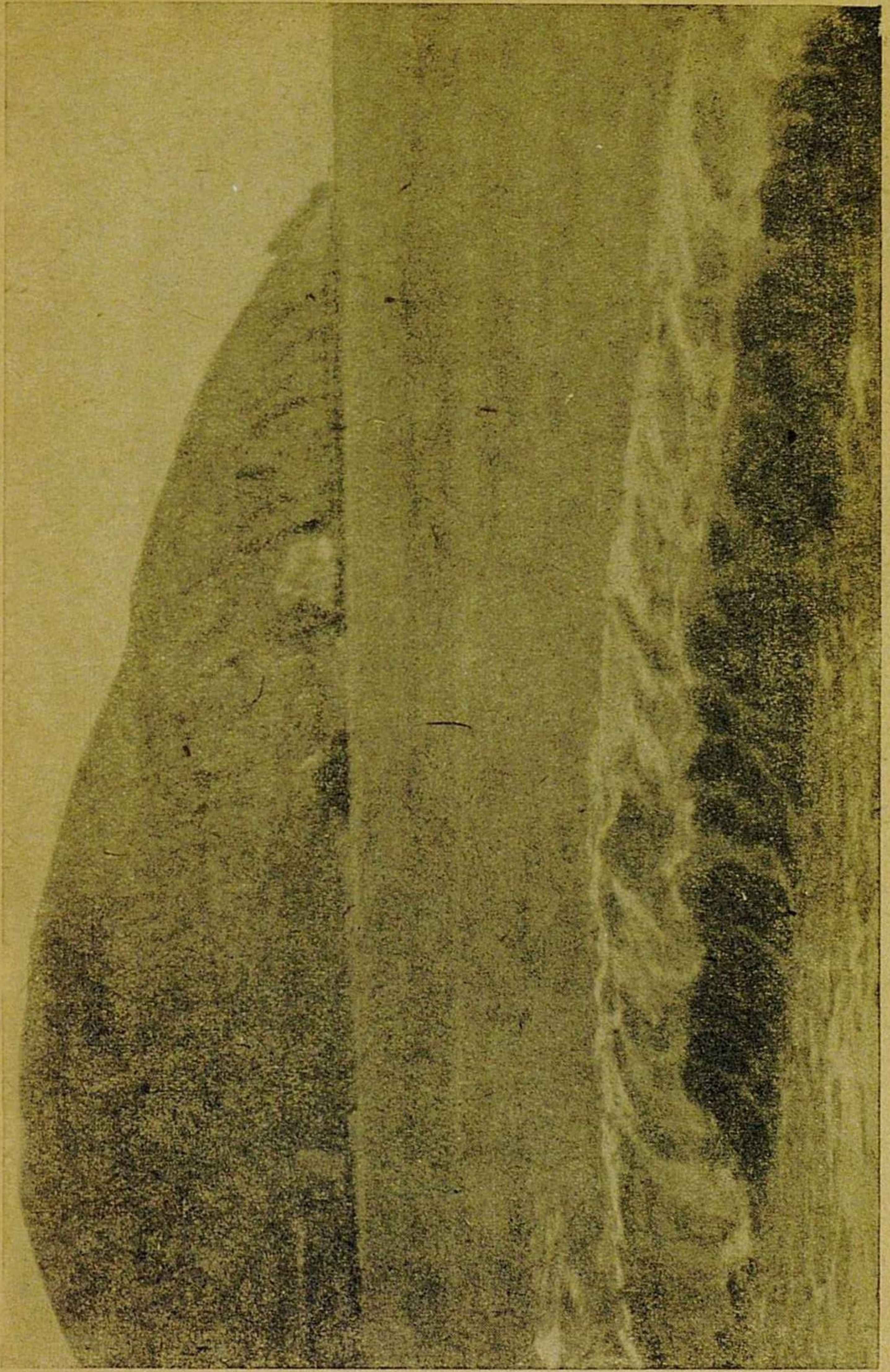
Однажды, темной ночью, на побережье налетел ураганный шторм. Ветер рвал и сносил палатки. О скалистый берег с ревом разбивались огромные волны. Дождь лил непрерывными потоками. Черное небо то и дело бороздили зигзаги молнии, и после их ослепительных вспышек еще черней и непроглядней казалась ночь.

В лагере поднялся переполох.

А на другое утро, когда мирное и ласковое солнце залило светом и теплом разрушенный лагерь, Зиновий Петрович твердо сказал:

— Палатки не годятся. Нужны крепкие и светлые дома. К следующему сезону мы их должны выстроить.

И теперь, когда идешь из Гурзуфа к Аю-Дагу, с последнего пригорка глазам открывается вид на голубой корпус Верхнего лагеря, группу домов Нижнего лагеря, на костровую площадку с трибунами, ажурную беседку на холме, скульптурные изображения на площадках, на пристань.

Медведь-гора.

Живут теперь пионеры не в палатках, а в высоких, светлых и чистых комнатах.

Партия, правительство, комсомол окружили Артек исключительной заботой. Из года в год лагерь рос, укреплялся и стал известен далеко за пределами нашей великой родины как солнечный лагерь счастливых советских детей.

Большую помощь и внимание оказывают Артеку лучшие друзья советских детей — товарищи Сталин и Молотов. Дважды приезжал товарищ Молотов в Артек. Несколько раз к нему ездили артековцы. Между Вячеславом Михайловичем и артековцами завязалась тесная и крепкая дружба.

В Артеке принимают все меры, чтобы полтора месяца, проведенные пионером на морском берегу, прошли весело и с пользой. Замечательная крымская природа, хорошее питание и заботливое медицинское обслуживание, игры, сверкающая чистота жилищ и, самое главное, непрерывная забота и ласка делают отдых в Артеке большим, надолго запоминающимся праздником.

С 1925 по 1937 год в Артеке отдыхало около 18 тысяч пионеров: узбеки, киргизы, русские, белоруссы, татары, грузины, казахи, башкиры...

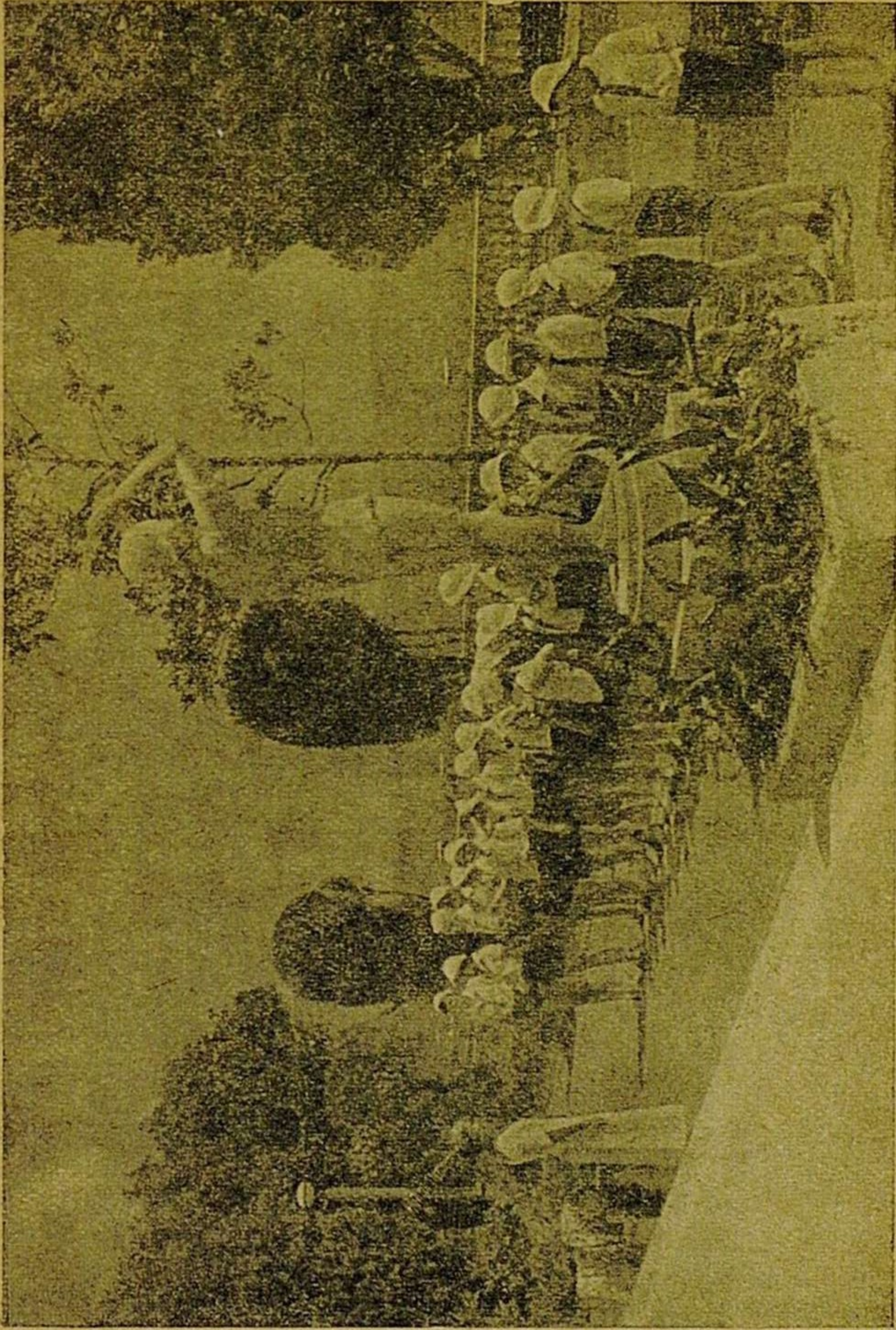
Здесь побывали и сотни детей зарубежных пролетариев: австрийских шуцбундовцев, участников всеобщей английской забастовки, борцов гамбургских баррикад, бойцов героической Испании, негритянские, итальянские, аргентинские пионеры.

В солнечном лагере дружно живут дети трудящихся всех национальностей. Они звонко поют любимую боевую песню Артека:

Буряты, негры, русские
В одной гурьбе.
Здесь крепнут наши мускулы
К одной борьбе.

Клара Цеткин, приезжавшая в Артек, писала:
«Хотите ли вы видеть свободных, счастливых детей?»

Посетите летний лагерь Артек, недалеко от Суук-Су, на южном берегу Крыма. Я там была три раза, и если

Утро в Артеке.

бы мне не надо было уезжать, я посетила бы его не знаю сколько еще раз.

Жизнь детей в лагере так красива, так привлекательна, что заставляет забывать даже о прекрасных окрестностях и об устройстве лагеря.

Маленькие обитатели лагеря сознают, что они — дети революции, будущие граждане рабоче-крестьянского государства. Они знают, чем они обязаны революции и Советской республике. Я не нашла ни одного пионера, который не имел бы гордого, горячего желания идти по ленинскому пути и для этого учиться, стать здоровым, крепким, умным и ловким, чтобы строить новую, коммунистическую жизнь. Все при этом чувствуют горячую солидарность с их братьями и сестрами за рубежом. С каким пылающим одушевлением выражают они свои чувства в пении красивых русских революционных песен!»

— Вы самые счастливые ребята на земном шаре. Понимаете? Самые счастливые! — волнуясь, говорил артековцам на скале Султанка приехавший в гости немецкий пролетарский писатель. Он до этого рассказал пионерам о тяжелом, голодном, безрадостном детстве немецких пионеров, о борьбе немецких комсомольцев, о том, как он сидел в тюрьме и как его избивали фашисты.

А члены испанской рабочей делегации, посетившие весной 1937 года Артек, как бы давая клятву, заявили:

— Мы будем бороться до конца за то, чтобы у испанских детей была такая же счастливая жизнь, как у детей в Стране советов. Салют!

МОРЕ!..

Позванивая буферами, поезд остановился у станции Симферополь. С этим поездом в особом вагоне в Симферополь приехала группа донбасских, поволжских, сибирских пионеров. Юных путешественников уже ждет на перроне вежливый дежурный. У него на рукаве красная повязка с вышитым белыми буквами словом «Артек». Прибывших повели в симферопольскую базу лагеря, расположенную в двух-трех кварталах от станции. Сытно накормили там и усадили

Славное море.

в голубой автобус. Выбравшись из оживленного, залитого солнцем южного города, автобус быстро и безостановочно мчит ребят по гладкому шоссе к далекой синей цепи гор.

— Море! — неистово закричала Маруся, светлоголовая пионерка из башкирского колхоза «Красная звезда», увидев с Чатырдагского перевала бескрайнюю, сверкающую внизу синеву.

В Артеке уже извещены по телефону и ждут гостей. Тепло и ласково встретили новых артековцев, наспех расспросили и без проволочек повели на осмотр к врачам, потом помыли в бане, дали новые удобные костюмы, накормили и повели показывать высокие светлые жилые комнаты, отрядные дома, детскую техническую станцию, краеведческий музей.

Но Марусе не терпится, ее неудержимо тянет снова на воздух, на солнце, к морю... С удивлением рассматривает она по дороге огромные цветы магнолий. Она никогда не видела таких чудесных цветов. Сбежав вниз, она осторожно, с любопытством пробует воду, — соленая!

И долго неподвижно смотрит с пристани, как в прозрачной воде большими белыми астрами плавают медузы, а подалее в море весело резвятся в воде черные дельфины.

— Смотри, корабль, — показывает Марусе незаметно подошедшая к ней бронзовая от загара пионерка.

Маруся смотрит на еле заметную над синим горизонтом легкую полоску дыма, и еще более растет ее удивление перед огромностью этого синего моря.

...А в Артеке идет обычный день. По склону Аю-Дага ползет небольшое серебристое облачко. К скалистым, выступающим со дна моря камням плывут шлюпки с поющими пионерами. На волейбольной площадке через сетку летит упругий мяч. Из парка слышатся щелчки малокалиберной винтовки. В солнечной воде плескались пионеры. Вечером, когда над Аю-Дагом повис тонкий серп месяца, Марусе и горы показались еще более огромными.

Разбитые по отрядам и звеньям, новоприбывшие пионеры рассказывали ранее прибывшим, кто откуда приехал и как он попал в Артек.

МАЛЕНЬКАЯ ПОГРАНИЧНИЦА

Как-то на один из артековских костров, в самый разгар веселья, принесли телеграмму. Начальник пограничного отряда телеграфировал маленькой застенчивой белорусской пионерке Ванде о награждении ее правительством Белоруссии почетной грамотой.

— За что, Ванда? — бросились к ней пионеры.

— Поймала шпиона, — с серьезным и важным видом ответила Ванда.

На другой день на зеленой полянке отряд слушал рассказ Ванды.

— Деревню нашу звать Лесники, — смущаясь начала она, — совсем близко от польской границы. На самом краю деревни живет моя подружка Улинька. К ней я часто хожу играть.

Смеркалось, когда я однажды побежала к Улиньке, но дома ее не застала. Какой-то чужой дядя у них на дворе рубил дрова. Дядя хотел спрятаться, но, увидев, что я его заметила, пригрозил зарубить меня топором, если хоть кому-нибудь скажу, что я его видела. А топор держит в руке!

Спросила я потом Улиньку, кто этот дядя. «Нет у нас дяди, — шепчет мне Улинька. — Это — лесной чорт. Он выходит иногда, а потом прячется в норку. Смотри, не говори никому, а то чорт с тобой что-нибудь сделает».

Ну, а мы, пионеры, в богов и чертей не верим. И нам бояться просто не полагается. Рассказала я обо всем этом начальнику пограничного отряда. Начальник выслушал меня внимательно, а потом через пару дней сказал мне: «Ну, Ванда, поймали твоего чорта. Крупный шпион оказался!»

— А потом что? — спросила любознательная Оля.

— Потом меня поздравляли, а вот недавно послали в Артек.

Пионеры засыпали Ванду вопросами: кто ее папа, как она учится в школе, часто ли ловят шпионов и какой этот начальник пограничного отряда.

Ванда на все дала обстоятельные ответы. Папа ее бригадир колхоза «Вольны шлях». В школе она учится на «отлично». После нее шпиона помог поймать

председатель колхоза дядя Миша. А начальник пограничного отряда очень хороший и часто заезжает к ним.

Потом пионеры читали письма, присланные Ванде из Белоруссии. Папа сообщал Ванде, что помидоры, посаженные ею, растут хорошо. Колхоз во-время скошил сено и убрал золотистую рожь. В колхозе все здоровы и веселы. Дядя Миша и подружка Надя шлют Ванде привет.

Читали и письмо начальника погранотряда.

«Отдыхай, Ванда, спокойно. Границы бережем крепко. Только почему, Ванда, я от тебя не получил еще письма?»

Ванда застыдилась и, опустив глаза, тихо сказала:

— Я, ребята, ему после этого восемь писем послала!

Затем стали говорить пионеры и пионерки. Они говорили о любви и преданности родине. Каждый желал совершить что-либо похожее на поступок маленькой Ванды.

В следующую после Ванды смену в Артек приехали корейские пионеры — два Сергея, маленький Алеша и Николай Кимы и Митя Югай. Там, далеко, на дальневосточной границе, они задержали шпиона и привели его к пограничной заставе.

Сережа и Митя показывали артековцам бережно хранимые почетные грамоты, выданные им за охрану родных границ.

Через несколько дней из белорусского колхоза «Чырвоны пагранічнік» в Артек приехала пионерка Галина Янковская. Она была прислана в Артек за то, что помогла пограничникам задержать диверсанта.

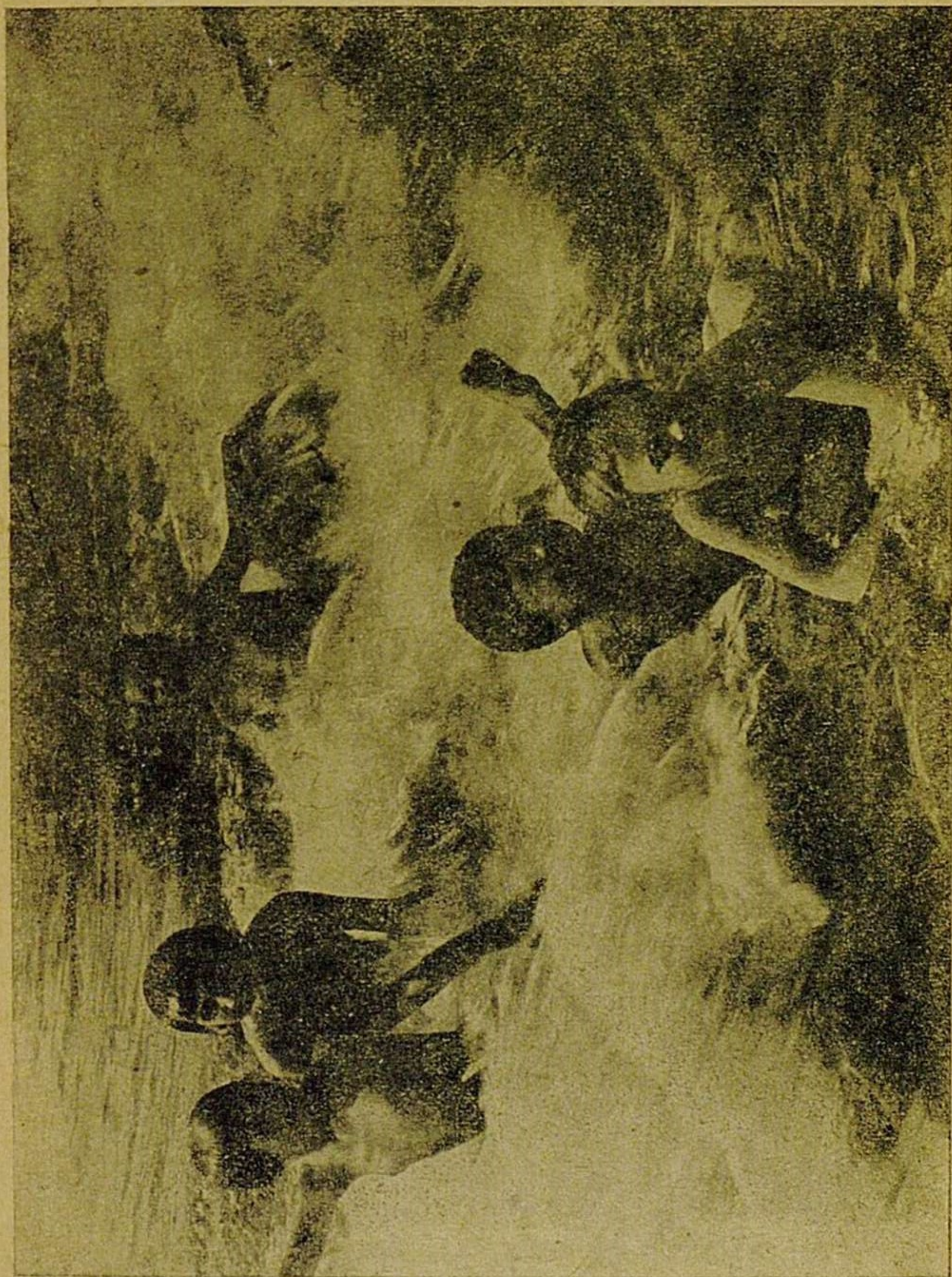
МИША-ВОЛКОДАВ

У Миши на груди пионеры увидели значок с деревьями и ружьями.

— Что это такое?

— Разве не видишь, — обиделся Миша, — значок отличника-охотника. Меня и в Артек-то за волков прислали.

Звено потребовало немедленно рассказать, как это

Прекрасные волны!

так, за волков. Миша отнекивался, а затем, окая, начал рассказывать.

— Из Сибири я чуть не месяц в Артек ехал. А село наше звать Бажир. Кругом села — лес. Чащоба такая, что не пройдешь.

— А что у вас растет?

— Сосна, береза, кедр, ель. Зверья в наших лесах много, а в озерах гуси, утки. Я уж два года охочусь. Раньше все капканами ловил горностаев, ласок, хорьков. А потом отец ружье дал.

— Ты, Миша, лучше о волках рассказывай.

— Сейчас буду и о волках, — невозмутимо продолжал Миша. — Задумал я поймать чернуюбурю лисицу. Рыжих ловил, а вот чернойбурой ни разу. В самой чащобе, у Красного Яра, где видели чернуюбурю, я и поставил свой капкан. Через день пошел посмотреть. Вижу по следам — попалась лиса и капкан потащила за собой. Ну, думаю, далеко не уйдешь. Иду следом и вижу — навстречу волки.

— А ты бы стрелял скорее.

— Их же много!.. Двух застрелишь, а остальные-то ведь разорвут. Едва успел залезть на березу. Сижусь на суку, а волки внизу. Двенадцать штук! Сидят да зубами щелкают. Подвывают да прыгают — достать хотят.

Надоело мне сидеть. Лиса, думаю, далеко капкан уволокет. Была не была — решил начать бой. Прицелился я волчихе в переносицу и спустил курок. Повалилась она, разворотил ей череп. Быстро, раз за разом, трижды картечью выстрелил. Еще три волка свалились.

Вижу, по дороге, — а она недалеко была, — едет мой отец из района. Закричал я ему, чтобы выручал. Начали мы тут с двух сторон волков стрелять. Еще шесть убили. Только два волка из всей стаи и ушли.

Слез я с березы и помог отцу волков уложить. Лошадь боится, ушами прядет. Пошел опять по следам лисы. Недалеко ушла, оказалось, чернаябурая. Вот я радовался. Отец меня поджидал. Положил я свою лису на волков, и поехали мы в село.

— Куда же вы их дели? — спросил Мишу один из пионеров.

— Привезли домой. Народу собралось много. Сняли

шкуры и сдали их государству. За моих волков дали триста шестьдесят рублей, да сто сорок рублей премии, а за чернобурую лису восемьсот шестьдесят рублей.

Потом меня послали на съезд охотников-ударников. Там дали мне премию — патефон и ружье; теперь у меня два ружья. А секретарь райкома партии мне значок прикрепил.

— А сколько тебе лет? — спросил всегда веселый и шутливый вожатый.

— Двенадцать наступило. Дождусь вот до шестнадцати, а потом и на медведей начну охотиться. Товарища по охоте подобрал — Васю Монарева. Бойкий он.

— А учишься ты как?

— Отметки хорошие.

Прозвали Мишу в Артеке Мишей-волкодавом.

БЫТЬ ПЕРВЫМ!

Жора, живой, как ртуть, скачет на одной ноге. Когда-то с ним произошел несчастный случай, и одной ноги не стало. Все же Жора умудряется неплохо играть и в волейбол. Весело крича, бежит он по обсаженной цветами аллее.

Устав, садится на скамейку около приморской балюстрады и смотрит на голубые волны. Наклонив голову, он прислушивается к их звону.

— Жора, за что тебя премировали путевкой в Артек? Жора поднял голову и застенчиво улыбнулся.

— За плавание и учебу.

Помолчав, пояснил:

— Когда остался без ноги, плохо стало, — за ребятами уже не угонишься. Решил в плавании и нырянии первым быть. Плавать и нырять научился хорошо. Тонули, а я двоих из воды вытащил. Ну, вроде, спас, что ли.

— Молодец!

— Да разве я один хорошо плаваю, — недовольно поморщился Жора на похвалу. — Вон Катя Иванова из Путиловского детдома тоже вытащила тонущую девочку.

— Жора-а-а! — закричал кто-то из маслиновой рощи, и Жора, схватив свою клюшку, припрыгивая, быстро побежал.

СПАСЛИ ОТ КРУШЕНИЯ ПОЕЗД

В Артеке отдыхает несколько пионеров предотвративших крушения поездов и спасших этим сотни человеческих жизней.

На станции Тайшет Восточно-Сибирского края Лева Абросимов спас от крушения курьерский поезд. Мимо станции, где живет Лева, курьерские поезда проносятся без остановки. Однажды, идя в школу, Лева заметил лопнувший рельс.

«Скоро должен пройти поезд. Будет крушение», молнией мелькнула у Левы мысль.

Крича, махая шапкой и книгами, Лева бросился навстречу поезду, боясь, что машинист может его не заметить. Но машинист заметил пионера и во-время остановил поезд.

Спас поезд от крушения и Володя Морозов. Зимним морозным утром шел Володя в школу по железнодорожной насыпи. Вдаль убегали, постепенно сливаясь, серебряные полосы рельсов. Володя увидел лопнувший рельс. Бежать за кем-нибудь — не успеешь.

Не растерялся Володя, снял с шеи красный пионерский галстук и, размахивая им, побежал навстречу поезду и остановил его почти у самого лопнувшего рельса.

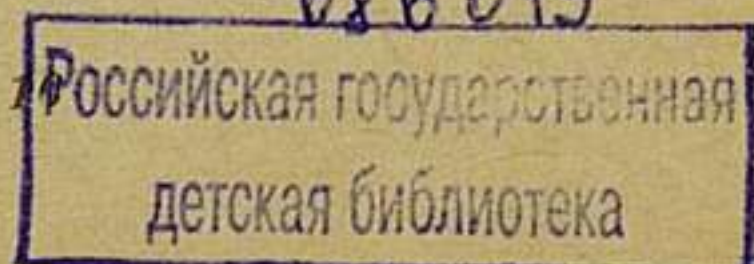
А пионер Боря, приехавший в Артек из Горьковского края, дважды предотвращал крушение поезда.

ЮНЫЕ ОРДЕНОНОСЦЫ

Летом 1936 года, впервые в истории Артека, приехали на отдых пионеры-орденоносцы.

Круглоголовый Леша Фадеев из Ленинградской области простодушно и кратко объяснил историю получения ордена.

— Мне его дал дедушка Калинин за хорошее шефство над молодняком.

Первое знакомство (фотоэтиюд).

13232
Одновременно с Лешей в Артеке отдыхал пионер-орденоносец Витя Войдальский из колхоза «Завет Ильича». Его пионерская бригада шефствовала в колхозе над 75 телятами.

В последнюю летнюю смену в Артек приехали сразу пять пионеров-орденоносцев.

Из Сталинабада приехала круглолицая смуглая Мам-

лакат, награжденная орденом Ленина. Это она впервые начала собирать хлопок двумя руками и собирала больше взрослых.

Из Кабардино-Балкарии приехал Барасби Хамгоков. Барасби сам вырастил быстрого, как ветер, коня, на котором выиграл первенство в скачках. На совещании животноводов с руководителями партии и правительства великий Сталин сказал Барасби, что он «молодец». Барасби с кремлевской трибуны тогда выступал с речью. У Барасби — лучшего пионерского джигита и танцора Кабардино-Балкарии — на груди орден «Знак почета».

Юный орденосец Миша Кулешов из колхоза «Красный ключ» Московской области за три года вместе со своим звеном вырастил 28 жеребят и телят. В Кремле товарищ Сталин посадил его к себе на колени и спросил, кем же он, Миша, хочет быть.

И здесь, в Артеке, чем бы ни занят был Миша, но только слышит в небе шум мотора, закинет голову и, защищая ладонями глаза от лучей южного солнца, ищет самолет и затем восторженно следит за его полетом.

— Хорошо вот так летать высоко-высоко, — мечтательно говорит он, — вырасту — обязательно буду летчиком.

Бывший беспризорник, теперь отличник учебы, Илюша из Донбасса крепко полюбил море. В Артеке он увидел его впервые. Громадное оно и совсем не черное, а синее, синее, а бывает и голубое, как небо. О море Илюша говорит восторженно. Он решил стать краснофлотцем и мечтает быть командиром корабля, капитаном дальнего плавания.

В походах, на пляже, отдыхая на зеленых лужайках Артека, пионеры, собирающиеся со всех концов Советского Союза, рассказывают друг другу о своих мечтах. Они мечтают сделать много полезного для своей родины.

— Я хочу, — говорит Барасби, — быть горным инженером. У нас в Кабардино-Балкарии много гор. Я мечтаю о том, что буду находить в них ценные ископаемые, чтобы моя родина была еще сильнее и богаче.

Пионер-орденосец Нишамбай Кадыров хочет стать

Ловите мяч!

агрономом-хлопководом. После занятий в школе он успевал собирать по 20—30 килограммов хлопка в день. Орденоносец Шамжанова хочет быть врачом, а орденоносец Ваня Чулков — станкостроителем.

Артековцы мечтают быть прежде всего коммунистами — летчиками, конструкторами невиданных еще машин, исследователями, учеными, завоевателями Арктики, стратосферы и морских глубин, художниками, му-

зыкантами, писателями, — людьми смелыми, мужественными и честными.

И будут! Потому что партия зажгла в юношестве, как и во всем советском народе, жажду к знаниям, культуре, желание творить подвиги во славу нашей любимой родины.

ДЕЛЕГАЦИЯ К МОЛОТОВУ

Тысяча девятьсот тридцать четвертый год... В жаркий июньский день с сумками за плечами артековцы двинулись в горы. В камнях шныряли пестрые ящерицы. Солнце сыпало бесчисленные блески в голубое море.

На привале пионеры окружили своего приятеля, старого большевика дядю Яшу, отдохавшего в соседнем санатории Суук-Су и часто сопровождавшего их в походах. Пионеры требовали очередного рассказа. В прошлые походы дядя Яша рассказывал увлекательные эпизоды из подпольной работы партии, гражданской войны, говорил об Ильиче, Сталине.

Оглядев ребят лучистыми глазами и шевеля разделенной шрамом бровью, дядя Яша рассказал пионерам о верном соратнике великого Сталина, главе советского правительства В. М. Молотове.

Через несколько дней артековцы услышали, что Вячеслав Михайлович приехал в Крым. Захотелось пригласить главу советского правительства в Артек. Решили избрать делегацию.

Пионеры быстро собрались на линейке. Старшие вожатые передали разрешение дирекции произвести выборы делегации. Поднялся радостный шум. Октябрята запрыгали, выражая свое удовольствие.

Какие предложения?

— Валю! — кричало одно звено.

— Нет, лучше Лиду, — предлагало другое.

— Меня, меня пошлите к дяде Молотову, — умоляюще просил маленький октябренок.

Наконец делегация избрана.

На другой день утром делегатам подали машину. Провожали всем лагерем.

Гонимкам и иконоборцам
"Арийские"

Многие горятки суну

Вели Мелань хорони

ордохнузи, набреть

здоровья и сил дух

работы и, упрямде

всего, для удела уроби,

споре акрививыми,

сознавательна, расцвита
Кайма на шен срубим

суде, в крестовом ико-
норки и иконоборцы
Замыслов Свободы
Место мучады бы
чов соуче муча

Вам В. Молотов

13/VI 1934 года

— Без Вячеслава Михайловича не приезжайте! — кричали им в напутствие.

Автомобиль двинулся и закружил по петлям шоссе.

Лагерь с нетерпением ждал возвращения делегатов.

— Ната приехала! — мигом разнеслась весть по Верхнему лагерю.

— Рассказывай быстрее! — потребовали от своей избранницы пионеры и октябрята.

— Поехали мы. Дорога красивая...

— О дороге не надо!

— Ладно! Вячеслав Михайлович принял нас радушно. Он расспрашивал, откуда мы, как учимся, как отдыхаем. Мы, конечно, рассказали обо всем. Заставил он нас показать автомобиль, на котором приехали. «А что такое «Артек», что означает это слово?» спросил нас Вячеслав Михайлович. Подумав, я сказала, что Артек, по-моему, убежище, а Лева Аронсон сказал, что Артек — это, пожалуй, котловина. «Кто же из вас обоих прав?» спросил Вячеслав Михайлович. Пришлось признаться, что не знаем, и стало нам как-то неловко. «Нет ничего удивительного в том, — сказал тогда Вячеслав Михайлович, — что вы не знаете точного перевода слова «Артек». Наука еще не успела его объяснить. Таких слов еще много».

— А приедет ли Вячеслав Михайлович к нам?

— Мы его звали. Наверное приедет. С нами он прислал письмо.

Но письмо было у делегатов из Нижнего лагеря. Несколько пионеров побежали за письмом. Наконец, запыхавшиеся гонцы бегут обратно. В руках одного из них трепещет лист бумаги.

Письмо Молотова было прочитано при необычной в Артеке тишине.

«Пионеркам и пионерам «Артека». Шлю горячий привет. Желаю хорошо отдохнуть, набрать здоровья и сил для работы и, прежде всего, для учебы, чтобы стать активными, сознательными участниками нашего строительства, в котором пионерки и пионеры уже занимают славное место молодых бойцов социализма. Ваш В. Молотов».

Ребята в восторге захлопали в ладошки.

В АРТЕК ПРИЕХАЛ МОЛОТОВ

Через несколько дней артековцы, проснувшись утром, ахнули от удивления. За ночь ко дню своего девятилетнего юбилея лагерь был обильно украшен флагами, портретами вождей, алыми полотнищами лозунгов. С моря казалось, что за ночь в парке расцвели огромные маки.

— Приедет ли Вячеслав Михайлович? — первым делом спросили вожатых пионеры. Вожатые пожимали плечами, не зная, что ответить.

Как всегда после обеда, залитый солнцем лагерь затих. Шел час абсолютного покоя. Но вот, одна за другой, с последнего пригорка к лагерю скатилось несколько машин. Едва шум моторов долетел до отрядных домиков, как в них, словно по команде, раскрылись настежь все двери.

— Молотов приехал! Ребята, к нам приехал Молотов! — восторженно катилось по лагерю.

Час абсолютного покоя был безнадежно нарушен. Ведь не каждый день у артековцев такой гость. С разноголосым визгом ребята кинулись навстречу машинам. Из первой, в белом костюме и серой кепи, вышел товарищ Молотов.

Пионеры тесно обступили Вячеслава Михайловича. Не пройти в этой бурливой радостной толпе. Сотни рук тянутся к Молотову. Радостные улыбки.

— Вячеслав Михайлович!

— Дядя Молотов!

Но только лишь сейчас пионеры заметили, что многие из них не одеты. Иные в одних трусах, другие, наподобие древних римлян, как в тоги, завернуты в простыни. Кинулись одеваться. Через несколько минут выстроились, запыхавшиеся, вдоль дорожки.

Подняв кепи и приветствуя пионеров, Молотов идет среди белых шеренг. Порывы ветра полощат на высокой мачте разноцветные морские флаги.

Вячеслав Михайлович подробно осматривает Нижний лагерь, беседует с пионерами и вожатыми. Загорелые артековцы жмутся к Молотову, обнимают его, заглядывают ему в глаза.

— А, делегатка! — узнает Вячеслав Михайлович по-

сланницу Верхнего лагеря Нату и гладит ее русую головку.

В парке Вячеслав Михайлович подошел к пионерам, взгромоздившимся на деревянных коней.

— Посмотрим, какие вы вояки!..

Турнир на деревянных вращающихся конях начался.

— Я тебе сейчас помогу. Он нас тогда уж не побороет, — подбадривает Вячеслав Михайлович меньшего пионера.

А в Верхнем лагере в это время тишина и напряженное ожидание. Там сотни глаз пристально наблюдают за аллеей, идущей вверх из Нижнего лагеря.

Но вот среди зеленой листвы мелькнули белые костюмы. Радостный гул прокатился по рядам.

— Здравствуйте, дорогие ребята, — поздоровался Молотов.

С горнами, барабанами, знаменами проходят перед председателем Совнаркома пионерские отряды. Над деревьями взмывает и уносится в голубое небо, залитое солнечными лучами, шар с портретом Сталина.

При бурных ликованиях пионеры избирают Вячеслава Михайловича почетным артековцем. Один из них повязывает новому артековцу пионерский галстук.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КОСТЕР

Вечереет. Солнце медленно скрывается за цепью гор. На лагерь падают длинные тени, теплый вечер окутывает побережье.

Трибуны костровой площадки быстро заполняются и шумят, как улей. Услышав о приезде Молотова, в Артек пришли отдыхающие в Гурзуфе командиры и ученые. С горных деревень спустились колхозники и колхозницы.

Появление Молотова встречают бурной овацией. Он садится в центре трибун, среди пионеров.

Старший вожатый разучивает с гостями артековскую песнь:

Эх, помним мы век
Артек! Артек!

Но вот все приготовления закончены.

В. М. Молотов среди артековцев.

Весело вспыхнул костер. Багровое пламя бурно рванулось вверх, и золотыми шмелями полетели в темноту искры. Прожекторы залили площадку потоками света.

Заиграл оркестр. В живых сценках пионеры Верхнего лагеря показывают историю Артека.

Ряды пионеров образуют большую звезду, а затем серп и молот. Живой цветок из упругих загорелых тел раскрывает лепестки, показывая нескольких девочек с букетами цветов. Далее пионеры поют любимые песни, пляшут и читают свои стихи, посвященные Сталину.

Вячеслав Михайлович, аплодируя, встает. Поднимаются все гости. Гремит орация в честь партии и любимого Сталина.

Полным ходом по площадке идет маленький электрический трамвай. Пионер-конструктор объясняет его устройство. Пионеры и пионерки поют, играют на музыкальных инструментах, исполняют танцы народов Советского Союза, показывают атлетические упражнения. Весело, с треском, разгорается костер.

— Вячеслав Михайлович! Пионеры Артека очень просят вас сказать нам несколько слов, — кричит кто-то из пионеров.

Гул нескончаемых аплодисментов поддерживает просьбу. На небе весело сверкают июньские звезды. Золотым загаром ложатся отблески костра на радостные лица пионеров.

Вячеслав Михайлович встает, подняв руку. Наступает тишина. Слышно только, как трещит хворост и шумят морские волны.

Вот что сказал Вячеслав Михайлович Молотов на лагерном костре:

— Товарищи и друзья, пионерки, пионеры и гости, присутствующие здесь в день девятилетия славного Артека. Я хочу сказать о том, что ваш лагерь Артек является уже сейчас таким почетным местом, куда Центральный комитет комсомола посылает ребят, отличившихся и заслуживающих того, чтобы отдыхать в этом прекрасном лагере пионеров и пионерок. Недавно напомнил об этом ЦК комсомола особым решением, опубликованным в «Комсомольской правде». Этим ре-

Бронемашина готова!

шением сюда в ближайшее время посылается до 200 пионеров и пионерок, отличившихся за последнее время в борьбе против кулаков-расхитителей в колхозах, изобретательством и сознательным ударничеством в своей работе и примерной учебой.

Я вспоминаю свою юность. Мне, как и другим старым большевикам, не приходилось быть в лагерях пионеров. Тогда еще их не существовало. Но я все же помню о том, что в тюрьму и в первую политическую ссылку при царизме в 1909 году, ровно 25 лет тому назад, мне пришлось пойти со школьной скамьи, когда я вместе с первыми шагами партийной работы среди рабочих вел революционную работу и в ученических кружках, из которых вышел ряд активных участников Великой пролетарской Октябрьской революции, из которых вышел целый ряд большевиков — борцов за дело рабочего класса нашей страны — великой родины рабочих всего мира, являющейся светочем, являющейся гордостью, являющейся знаменем восстания для трудящихся, для передовых рабочих всего мира против капитализма, против империалистических войн, против рабского труда на богачей, за вольную, свободную, счастливую жизнь всех людей.

Вам, пионерам и пионеркам, дано теперь великое счастье дышать полной грудью в стране, освобожденной от царей, угнетателей и богачей-паразитов, в дружной семье своей молодежи, жить вместе с солнцем, морем и зеленым лесом, отдаваясь душою своим пионерским играм, бодрому пению песен, настойчивому труду и учению, изобретательству, композиторству, снова и снова собираясь дружным лагерем вокруг своего костра.

За счастливую трудовую и сознательную жизнь пионеров, за их рост и готовность к борьбе за дело рабочего класса и трудящихся всего мира! Пионеры, к борьбе за величайшее дело, за дело рабочего класса всего мира, будьте готовы!

Несколько мгновений было очень тихо, а затем словно что-то взорвалось. Неслись крики: «Ура!», «Да здравствует товарищ Молотов!», «Спасибо, Вячеслав Михайлович!» Далеко в горах гулко перекатывалось стоголосое эхо.

Один из пионеров выступил с ответным словом.

— Мы и дальше будем хорошо отдыхать и хорошо учиться, — волнуясь, сказал он. — Мы, Вячеслав Михайлович, даем вам наше пионерское, артековское слово в том, что вырастем настоящими большевиками.

Большое пионерское спасибо, Вячеслав Михайлович, за вашу заботу о детях Советской страны, за то, что вы приехали к нам в лагерь. Спасибо партии и правительству за Артек. Мы просим Вас, Вячеслав Михайлович, передать наш горячий пионерский привет любимому Сталину.

Передайте ему, что мы все желаем ему много и много лет жизни, что мы вырастем коммунистами и что мы просим приехать товарища Сталина к нам в Артек.

И, помолчав немного, пионер добавил:

— А ехать к нам надо через Симферополь. В Симферополе у нас есть своя база. А в Гурзуфе мы встретим нашего дорогого товарища Сталина всем Артеком.

ДО СВИДАНЬЯ, РЕБЯТА!

Одиннадцатый час. Пора спать. Отряды выстроились на вечернюю линейку.

Один за другим рапортуют Молотову председатели советов отрядов о том, что пионеры здоровы, веселы, безмерно счастливы этим днем, самым счастливым из счастливых, и всегда готовы к труду и борьбе.

Автомашины навели свои фары на пионерскую линейку и капитанский мостик. Стоящие плечом к плечу пионеры озарены золотистым светом.

Рапорта отданы. Пионеры выжидающе смотрят на Молотова. Что-то он им скажет на прощание?

— Товарищи пионеры и пионерки! — говорит товарищ Молотов. — Празднование девятилетия Артека у вас прошло хорошо. Приветствую ваших руководителей и организаторов: директора, старшего вожатого, массовиков и всех участников этого прекрасного праздника, начавших сегодня десятый год Артека бодро и весело, по-пионерски.

Для того чтобы мы могли сказать, что ваш лагерь действительно готовит нужных нам людей, вы должны получить в лагере вот что, самое меньшее:

Проверить перед приездом в лагерь и перед отъездом домой мускулы на руках, а также на ногах. Если ваши мускулы стали крепче, значит лагерь оправдал свое назначение.

Дальше. Каждый пионер также должен научиться в лагере одной-другой хорошей игре.

И еще одно. Каждый пионер должен увезти из лагеря хотя бы одну хорошую песню.

Если это немного будет сделано, значит лагерь полезен, значит такой лагерь нам очень нужен.

На вас, на хороших пионеров, смотрят все рабочие и работницы, смотрят все сознательные крестьяне и крестьянки, зная, что из пионеров растет любящее учебу, работу, технику и искусство поколение строителей социализма.

Если вы будете укреплять мышцы, играть, петь, развивать свои таланты во всех направлениях, вплоть до изобретательства и композиторства, изучать науки, литературу, впитывать все это в свою кровь и в свои жилы, — из вас будут настоящие борцы, настоящие большевики.

Да здравствуют пионеры, любящие труд и учебу, умеющие играть, петь и учиться!

Пионерам и пионеркам — спокойной ночи!

...Медленно спускался с высокой тонкой мачты большой красный флаг. Сквозь черные ветки кипарисов пробирался лунный свет.

— До свидания, ребята, до свидания! — махая кепи, кричит детям Вячеслав Михайлович, садясь в машину.

— Счастливого пути! — хором отвечают пионеры.

Автомобильные фары бросили вдоль дороги желтые пучки света. Красный сигнал освещенной машины мелькнул в последний раз и скрылся за поворотом.

В этот вечер немало труда пришлось положить вожакам, чтобы наконец угомонить ребят, шумно обменивавшихся впечатлениями о необычном дне и костре.

А ЧЕРЕЗ ГОД...

В следующем 1935 году, в июне, Артек шумно и торжественно отпраздновал свой десятилетний юбилей.

Стояли уже первые дни августа.

Артековец.

... К утру на темном небе долго бледнели звезды. Далеко в море разгоралась заря. Лучи невидимого еще солнца освещали вершины гор. Медленно выплывал из морской глубины багровый солнечный диск, и на синюю гладь моря легла веселая сверкающая дорожка...

В Нижнем лагере серебристой трелью уже возвестил утро дежурный горнист. Сверху, от зеленого склона Аю-Дага, откликнулся горн Верхнего лагеря.

— Вставайте! Вставайте! — поют горны
Обитатели Артека вскакивали с белоснежных по-
стелей и собирались на утреннюю линейку.

После вкусного и сытного завтрака начались весе-
лые игры. К пушкинскому гроту отплывал на шлюп-
ках отряд пионеров, другие купались в море, шумно
и весело вздымая жемчужные брызги, а третий отряд
собирался на экскурсию по берегу в автобусах.

Внезапно на пригорке за лощиной луч солнца
вспыхнул на никеле быстро идущей машины. Про-
скользнув под аркой с белыми буквами «Артек», она,
мягко шурша гравием, остановилась у новых автобу-
сов с пионерами.

— Куда, хозяева, уезжать собрались? — спросил при-
бывший, выйдя из машины и захлопывая за собой
дверцу.

— Ребята! — ахнул от неожиданности один из пио-
неров, — да ведь это Вячеслав Михайлович!

— Молотов, Молотов приехал!

Пионеры выскочили из автобусов и радостным
шумным кольцом окружили председателя Совнаркома.

— Ну, куда же уезжать собрались? — здороваясь с
пионерами, переспрашивает Вячеслав Михайлович.

— На экскурсию!

— В Гурзуф, Ялту, Мисхор собирались.

— Но теперь уж мы не поедem! В другой раз! — на-
перебой говорили пионеры.

Тем временем по отрядам летели гонцы и вихрем
врывались в отрядные дома.

— Что случилось? — спрашивали их, откладывая кни-
ги, модели, мячи.

— Вячеслав Михайлович приехал!

— Ну!.. — недоверчиво тянули некоторые. Но сияю-
щий вид гонцов служил лучшим подтверждением.

Все сильнее закипал детский водоворот около Моло-
това и наконец хлынул, увлекая его в лагерь по обса-
женной красными сальвиями дорожке.

В Верхнем лагере перекликались горны и рокота-
ли барабаны. Весть о приезде Вячеслава Михайловича
Молотова докатилась и туда.

Через вьющиеся виноградники и маслиновые рощи-
цы ребята бежали в Нижний лагерь.

Чья дальше?

В ЛАГЕРЕ

Вячеслав Михайлович, как и в первый раз, с исключительным вниманием осматривал Артек. Отмечал, что сделано за год. В столовой он просмотрел меню за последние дни и указал, чтобы больше давали детям фруктов. Знакомясь с планом строительных работ, дал несколько хороших советов.

— Расскажите, как живете в Артеке, что делаете? — спросил Вячеслав Михайлович группу пионеров.

Рассказывать взялся подталкиваемый товарищами черноглазый Сурен, приехавший в Артек из Армении.

— Утром встаем, — несмело начал он, — сразу бежим на зарядку. Позаряжаемся, бежим умываться. Поумываемся, идем завтракать, потом купаемся и опять завтракать.

— А что вы вчера кушали?

— Сыр, масло, икру, колбасу, виноград.

— Хорошо!

— А вы, Вячеслав Михайлович, оставайтесь у нас. Купаться вместе будем, — говорит Миша Пак.

— Оставайтесь. Здесь хорошо! — вступает в разговор Галочка.

— А ты откуда?

— Я из Тулы.

— Хороший город Тула. Был я там.

— А в 26-й школе были?

— Вот в 26-й школе не был.

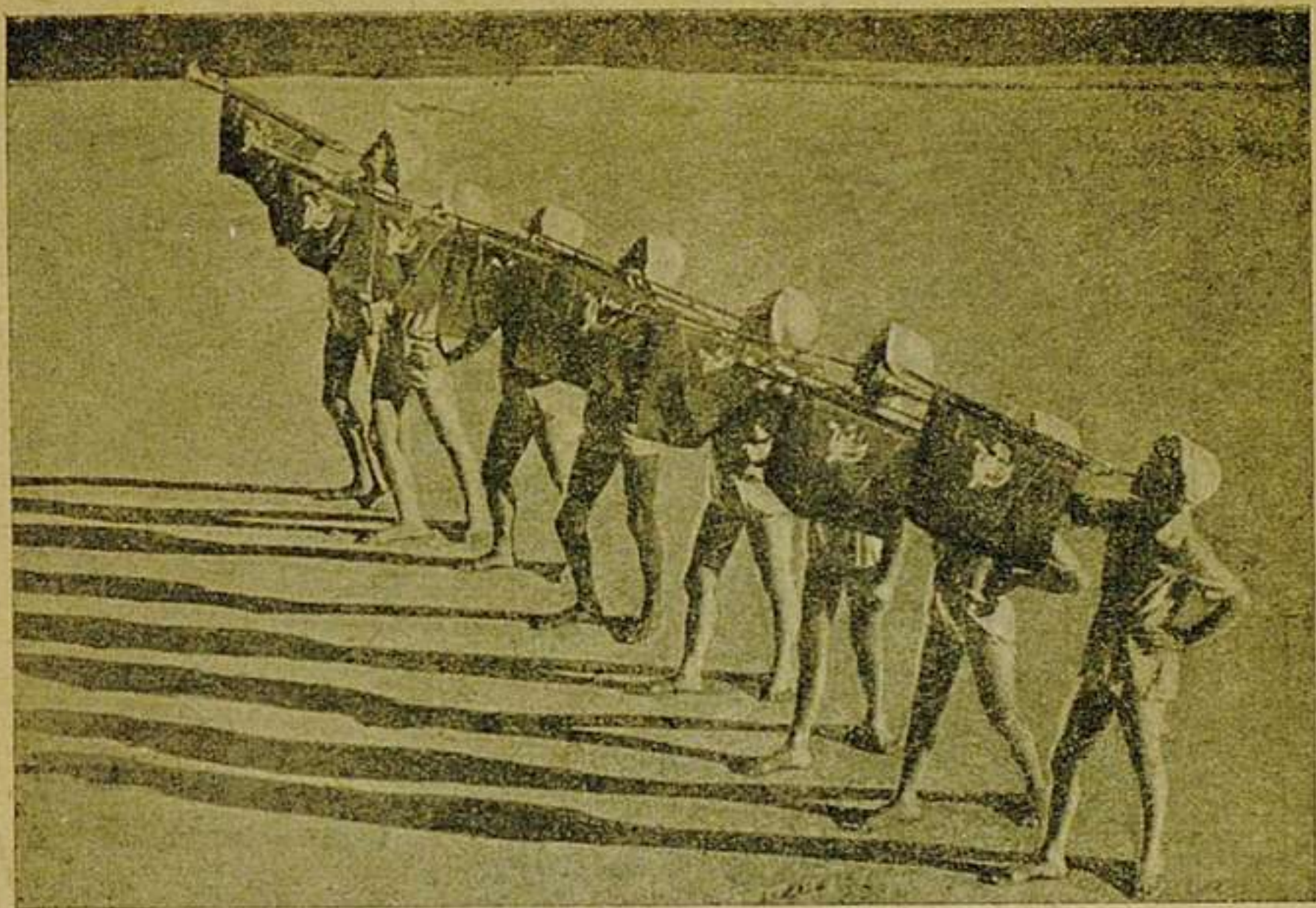
— Жаль, — говорит Галочка, с сожалением качая головой.

— Когда еще раз в Туле буду, вы напомните мне, обязательно зайду, — обещает ей Вячеслав Михайлович.

Солнце уже нещадно печет. В зное застыли магнолии. Лавина пионеров вслед за Вячеславом Михайловичем движется к укывшейся под тенистыми тополями террасе. Там о чем-то горячо спорят.

Спорщики мигом смолкают, когда на пороге внезапно появляется Молотов, а за ним улыбающиеся лица ребят. Один из пионеров даже протер глаза, — уж не во сне ли?

— Что тут у вас за спор? — спрашивает Вячеслав Михайлович.

Сигналисты.

Пионеры переглядываются.

— У нас суд идет.

— Кого же вы судите?

— Пушкина.

— В чем же он провинился?

Пионеры смеются.

— Вам не так, Вячеслав Михайлович, объяснили, — говорит один из пионеров. — Мы судим не самого Пушкина, а его произведение.

— И что же присудили?

— Еще решения нет. Сейчас выступают защитники.

— Это хорошо, что вы разбираете классические произведения. Литературу надо любить и изучать. Ну, не буду вам мешать.

— Что вы, что вы, Вячеслав Михайлович, — наперебой заговорили пионеры. — Мы потом закончим.

В краеведческом музее ребята показывают Вячеславу Михайловичу коллекцию камней, насекомых, гербарии, ужей, ежей. Вячеслав Михайлович помнит, что в прошлом году в музее была лисичка. Пионеры расска-

зывают, как сбежал «хитрый Рыжик». Вячеслав Михайлович высказывает надежду, что ребята — боевые и скоро поймают другого Рыжика. Вожатым он рекомендует всячески расширить работу по изучению природы.

Осмотрев отрядные дома, Вячеслав Михайлович похвалил пионеров за чистые тумбочки, подшутил над ребятами, неаккуратно убравшими постели. Увидев жилой дом, выстроенный в форме коробки, Вячеслав Михайлович сказал работникам Артека, что для детей нужно строить особенно красиво.

Направились в Верхний лагерь. Кто-то из ребят предложил:

— Верхний парк у нас высоко! Может быть, на машине поднимемся?

— Да что я старик, что ли? Я ведь тоже артековец. Еще посмотрим, кто из нас быстрее поднимется, — шутливо говорит Вячеслав Михайлович.

Шумливая, все нарастающая лавина движется к Верхнему лагерю. Молотов идет, обнявшись с пионерами. По дороге, бросая качели, гигантские шаги, горки, волейбол, присоединяются к ним все новые группы пионеров.

Отряды Верхнего лагеря встретили Вячеслава Михайловича песней:

Где гор великаны,
Где бродят туманы
И моря шумливый набег, —
Под старой горою,
Что встала стеною,
Раскинулся лагерь Артек.

Пионеры попросили Вячеслава Михайловича сняться с ними.

— Сняться с такими ребятами, как вы, я всегда готов, — шутит Вячеслав Михайлович.

Фанфары безуспешно зовут не желающих отходить от председателя Совнаркома детей на ужин. Маленький октябренок, уцепившись за рубашку Вячеслава Михайловича, не отстает от него ни на шаг.

— Нет, нет, обязательно надо идти ужинать, — уговаривает его Молотов.

АРТЕК ВЕЧЕРОМ

На темнеющем небе загорелись звезды. Горы, темными великанами обступившие лагерь, кажутся еще величавее. Наступило время артековского костра.

Бетонные трибуны костровой площадки быстро заполняются веселыми детьми. Как и в прошлом году, весть о приезде Молотова быстро разнеслась по соседним санаториям и колхозам, и по шоссе и тропинкам потянулись в Артек вереницы гостей.

На трибунах запели песню о бесстрашном полководце Чапаеве, погибшем в мутных водах Урала. В марш «Веселых ребят» вплетаются новые куплеты.

Легко ребятам в Артеке живется,
Здесь каждый к песням и играм готов.
Мы отдыхаем, резвимся, смеемся,
И каждый радостен, весел, здоров.

Пионеры стремятся сесть поближе к товарищу Молотову. На трибунах уже нет ни одного свободного места, и опаздывающие устраиваются на склонах холма и в кипарисовой аллее на берегу моря. Вспыхивает костер, и от его трепетного света задвигался сгустившийся мрак южной ночи.

Разгоревшись, костер заливает ровным розовым светом трибуны. Высоко во тьме пылают алые полотнища флагов, освещенных снизу пучками электрического света. Мерно шумит прибой, и багряные блики плещут на черных волнах.

Изумительно, необычайно проходил в этот вечер костер артековцев. Каждый костер в Артеке отличен от предыдущего. Каждая смена привозит в Артек много нового. В плясках, декламациях, пантомимах, физкультурных упражнениях, инсценировках пионеры демонстрируют здоровье, ловкость, неистощимую выдумку, веселье и радость.

Вместе с гостями аплодирует товарищ Молотов.

На площадке у костра — авиомоделисты с крылатыми легкими моделями. Изящная модель пионера Володи, мирового рекордсмена по схематическим моделям, сверкнув в отблеске костра, унеслась в море.

Один за другим сменяются номера артековской самодельности. Выступают дети различных национальностей, в счастливом содружестве живущих в нашей стране.

— А нашли ли модель, улетевшую в море? — спросил Вячеслав Михайлович.

— Нет.

— Приняли меры?

— Да. Поплыли на лодке по направлению полета.

— Обязательно надо найти!

Вячеслав Михайлович не успокоился до тех пор, пока вымокшую модель, найденную далеко в море, не привезли в лагерь.

Усадив рядом с собой юного рекордсмена, Вячеслав Михайлович расспрашивает его, как он учится, где живет, давно ли делает модели и кем собирается стать.

— Буду авиоконструктором, — как о деле давно решенном, говорит Володя.

— Хорошо! — одобряет Молотов.

Тем временем из середины изображенного из фигур пионеров огромного цветка отделяется маленькая девочка и пробирается по трибунам с букетом алых роз к Вячеславу Михайловичу. Подняв высоко перед собой, вместе с розами, девочку, Вячеслав Михайлович крепко целует ее в щеку.

Стрелки часов показывают начало одиннадцатого.

— Вячеслав Михайлович! Разрешите сегодня немного продлить костер? — просит вожатый.

— Нет, я вам не советую отступать от установленного режима. Детям надо спать.

Серый пепел покрывает угли костра. Приветственно махая Молотову, гости группами расходятся из Артека.

Горн оповещает о вечерней линейке.

— К спуску флага стоять смирно! — отдает команду дежурный вожатый.

После рапортов пионеры просят передать горячий привет любимому Сталину.

— Мы, взрослые, счастливы тем, — говорит товарищ Молотов, — что работаем под руководством друга и учителя — товарища Сталина. Вы, пионеры, счастливы,

«А мы летающие модели строим».

что живете в то время, когда у нас есть могучая коммунистическая партия большевиков, когда есть сплоченный ленинский комсомол, когда есть наш великий руководитель, который зорким взглядом видит все самое нужное, самое важное, для больших и для малых. Да здравствует наш друг и учитель — Сталин!

А теперь, товарищи артековцы, разрешите вам предложить успокоиться и крепко-крепко заснуть. Спокойной ночи!

— Флаг спустить! — подает команду дежурный вожатый.

Отряды пионеров расходятся по своим домам.

— Что скажете нам, Вячеслав Михайлович? — спрашивают вожатые.

— Побольше физкультуры и цветов. Воспитывайте сильных, смелых, честных, преданных родине ребят.

Уложив пионеров спать, вожатые вновь собираются группами. Они беседуют о незабываемой встрече. Постепенно гаснут огни. Шорох морского прибоя стал слышен уже по всему лагерю, и волны все чаще и чаще несут на берег на своих гребнях посеребренную луной шипящую пену.

Тихо и убаюкивающе шумят островерхие кипарисы. Но долго не могут уснуть пионеры. Пионер-негритенок Адам Нилли, широко раскрыв глаза, смотрит в темноту и тепло-тепло улыбается. Он вспоминает, как на одной из аллей парка его встретил Молотов и обнял его...

Наконец лагерь погрузился в сон. А на другой день, к вечеру, письмоносец увез из Артека огромную пачку писем. Артековцы писали мамам и папам, сестрам, братьям, приятелям о том, что у них в Артеке в гостях был — кто бы вы думали, — сам дядя Молотов, Вячеслав Михайлович!

В ГОСТЯХ У ПРЕДСОВНАРКОМА

Прошел еще год. В последние дни знойного августа 1936 года артековцы решили навестить своего замечательного и любимого друга. Весь лагерь уж давно жил этой мыслью.

Каждый из 550 пионеров мечтал поехать к Вячеславу Михайловичу, но пионерские отряды выбрали достойнейших.

27 августа делегация артековцев двинулась в путь. Посланцами пионеров ехали юные орденосцы Мамлакат Нахтангова, Барасби Хамгоков, Роза Шамжанова, Миша Кулешов, Ваня Чулков, Нишамбай Кадыров и другие артековцы — поэты, изобретатели, танцоры, музыканты, певцы.

Настроение делегатов восторженное. Всю дорогу звенят песни. Но вот наконец и дача, в которой отдыхает председатель Совнаркома. Навстречу пионерам вышли люди.

— Приехали?.. Не выдержали? — спрашивает один из них. — Ну, идемте за мной.

Пионеров ввели в большую, отделанную дубом, го-

стиную. Делегаты молчаливо расселись на стульях, диванах, креслах.

Вскоре в гостиную вошла скромно одетая, очень симпатичная женщина с девочкой.

— Это, ребята, Светлана, дочка Молотова. Познакомьтесь, — отрекомендовала она. Светлана отдала артековцам пионерский салют.

В просвет открытой двери ребята увидели быстро идущего по коридору Молотова.

— А, старые знакомые, Мамлакат, Барасби, Кулешов, — раскрывая объятия, шагнул к пионерам Молотов.

Начался разговор. Пока Вячеслав Михайлович спрашивал незнакомых ему артековцев, откуда кто приехал, Миша Кулешов незаметно забрался к нему на колени. Натянутость и робость как рукой сняло. Окружив председателя Совнаркома, ребята наперебой рассказывали ему о своей жизни в Артеке, о недавней экскурсии на горное озеро, где они ловили черепах, с вновь выстроенной в Артеке игротеке, где так много игрушек, о верховых лошадях, стрельбе, о купанье, о крабах.

— Я, Вячеслав Михайлович, в Артеке снимать научился, — сообщает Барасби.

— А мы с Матулеевой летающие модели строим, — говорит Миша Кулешов.

— Меня в Артеке научили русским и татарским танцам, — застенчиво делится своими достижениями Мамлакат.

Вячеслав Михайлович расспрашивает, достроен ли в Артеке теннисный корт, каковы результаты артековской спартакиады, достаточно ли в этом году пионеры получают фруктов, часто ли они катаются на лодках, на подаренных им автомобилях, лошадях.

Пионеры обстоятельно отвечают.

— А кто из вас, ребята, пишет стихи? — спрашивает Вячеслав Михайлович.

— Я! — отвечает Муха Залкинд и звонко читает стихотворение про веселую жизнь в прекрасной Стране советов.

— Хорошо написано!

— А мы вас, Вячеслав Михайлович, недавно в кино

видели, а сейчас вот с вами, — говорит кто-то из пионеров.

Молотов расспрашивает ребят, какие им показывают кинокартины, понравились ли, и называет несколько картин, которые советует обязательно посмотреть.

— Вы, Вячеслав Михайлович, бываете в кино? — спрашивает Миша Кулешов.

— Бываю!

— А почему я вас ни разу не видел?

— Наверное разминулись, — весело отвечает Вячеслав Михайлович. Пионеры хохочут. Продолжается живая беседа.

— Наша Светланочка знает стихотворение о Мамлакат, — говорит жена Молотова тов. Жемчужина.

— Прodeкламируй, Светлана! — просят пионеры.

Светлана декламирует. Ее награждают дружными аплодисментами.

— Светлана, — обращается к ней Молотов, — ты Мамлакат видела на картинке. А ведь она здесь. Вот она! Познакомься.

Мамлакат подходит к Светлане и, протягивая руку, говорит:

— Здравствуй.

Вячеслав Михайлович порывисто берет их обеих, Светлану и Мамлакат, к себе на руки.

— Мы, ребята, со Светланой каждый день по два часа занимаемся арифметикой, — сообщает Вячеслав Михайлович.

Зазвенела под баян веселая артековская песня. Через час песню об Артеке уже распевали все живущие на даче.

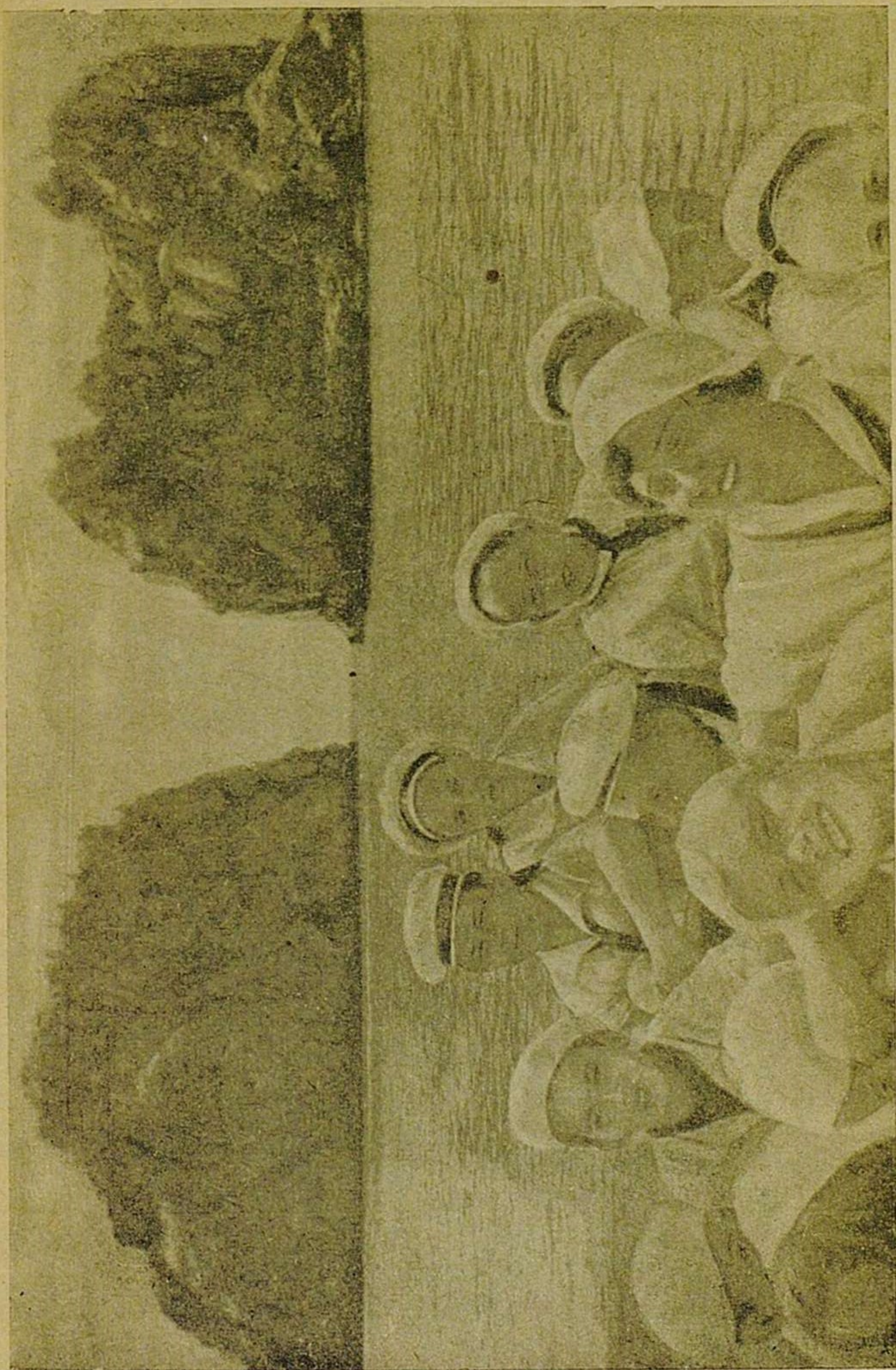
Гостей приглашают к столу. Рядом с Вячеславом Михайловичем садятся Мамлакат и Барасби. Пионеры тихо шепчут вожатому:

— А где бы нам руки вымыть?

— Вячеслав Михайлович! Ребята спрашивают, где бы руки помыть?

— Молодцы! Всегда перед обедом это следует делать.

На столе икра, рыба, винегрет, фрукты, горячие блюда. Маленький пионер, кореец Алеша Ким, взял в рот ломтик лимона, спутав его с апельсином. Пожевав

На лодке по морю.

он поморщился и под общий смех наблюдавших за ним пионеров проглотил кислое лакомство.

Вячеслав Михайлович объясняет Киму, что сок лимона хорош с рыбой и выжал ломтик лимона на кусок рыбы. Но Алеше опять не понравилось. Наконец он занялся виноградом.

Вячеслав Михайлович беседует с вожатыми о расширении Артека, о культуре строительства и культуре воспитательной работы.

Вожатые сообщают Вячеславу Михайловичу, что в Артеке восстанавливаются в правах изгнанные педологами лапта, крокет, пинг-понг, городки, чижик и другие игры.

— Правильно! — одобряет Вячеслав Михайлович.

Обед закончен.

— Как же дальше проводить нам время? — спрашивает после обеда Вячеслав Михайлович. — Какие порядки в лагере?

— Час отдыха после обеда.

— Ну, значит отдыхать будем! — говорит Молотов.

Но ребята протестуют:

— Вячеслав Михайлович, здесь же докторов нет, давайте не будем.

— Обязательно надо отдыхать. Передадут еще вашему доктору, что мы нарушили правила, и мне и вам попадет, — шутливо добавляет он.

Решили отдыхать. Обнявшись с пионерами, Молотов пошел в парк.

В парке быстро поставили лежаки и развесили гамаки. Пошутив с ребятами, Вячеслав Михайлович ушел, пообещав притти через час. Но «сонный» час не удался. Слишком радостно были возбуждены артековцы. Хохотали над историей Кима с лимоном, а Барасби признался, что лимон и ему не понравился, но он сжевал кусочек, не показывая вида.

Через 20—25 минут снова появился Молотов. Завидев его между деревьями, ребята быстро прикорнули и притворились, что крепко спят.

— Очень шумный «сонный» час у вас, ребята, получился, — улыбаясь, сказал Молотов.

— Еще бы! — ответили, открывая глаза, артековцы. — Жалко такое время на «сонный» час тратить.

— А как тебе, Ким, после лимона спалось? — шутливо спросил Вячеслав Михайлович.

Алеша и все пионеры снова захохотали. Затем артековцы предложили организовать концерт самодеятельности.

— Ну, раз не спится, будем веселиться, — согласился Вячеслав Михайлович.

Показ артековской самодеятельности прошел шумно и весело.

— Ребята, пойдете пить чай, — пригласила тов. Жемчужина.

За чаем пели понравившуюся Вячеславу Михайловичу песнь «О родине». Он попросил ее переписать.

— Вячеслав Михайлович, товарищ Жемчужина, поедете к нам в Артек, — просят пионеры.

— С удовольствием бы, но нет времени, ребята, — отвечает Вячеслав Михайлович.

— Светлана, проси папу, — шепчет Мамлакат.

— Папа, поедем, — нажимает на отца Светлана.

— Да поедете, Вячеслав Михайлович! — не унимается Миша Кулешов.

— Скоро этой сменой заканчивается летний сезон в Нижнем лагере, — говорят пионеры, — мы поедем по домам через Москву. Может быть, разрешите навестить вас в Кремле?

Пионеры не спускают глаз с Молотова. В них столько просьбы.

— Хорошо, — соглашается Молотов.

Ликование огромное. Делегаты еле сидят на стульях. Еще бы — впереди поездка в Москву, в Кремль.

— Напишите записку, что мы были у вас, а то ребята еще, пожалуй, не поверят, — просит Муха Залкинд.

— Как не поверят? Выбрали таких, которым верить можно, — говорит Молотов.

Но пионеры уже подложили бумагу, карандаш. Вячеслав Михайлович быстро пишет:

«Артековцам. Передаю горячий привет через делегацию, приезжавшую ко мне в гости 27 августа этого года. В. Молотов. 1936 год».

Тепло прощается Вячеслав Михайлович с артековцами, окрыленными мыслью о предстоящей встрече в Москве.

— Просим передать горячий артековский привет нашему дорогому товарищу Сталину!

— Передам обязательно!

Пионерский отряд, попрощавшись с тов. Молотовым, двинулся к автобусам.

— Смотрите, не кормите Кима лимоном, — крикнул вслед Вячеслав Михайлович. Пионеры засмеялись. Уже скрылись за поворотом дороги артековцы, а Молотов все еще махал им вслед рукой.

РАССКАЗЫ ПИОНЕРОВ

Назавтра, на костровой площадке, около порозовевшего под лучами заходящего солнца моря, собрались пионеры послушать отчет своей делегации. Ребята подробно рассказали о поездке. Весть о возможной поездке в Кремль была встречена восторженно. Лагерь вместе с Алешей Кимом весело смеялся над его историей с лимоном.

— Откуда знать. Думал — апельсин, — простодушно оправдывался маленький Алеша.

Один за другим выступали делегаты и делегатки, и каждый делился своими впечатлениями о поездке. Вот что говорили они.

— Вячеслава Михайловича, — сказала Мамлакат Нахтангова, — до этого я видела в первый раз в Москве, когда руководители партии и правительства принимали знатных хлопководов Таджикистана.

Поездкой в гости к Вячеславу Михайловичу я, как и все артековские делегаты, очень довольна. Подружилась с Светланой, дочкой Молотова.

— Впервые я встретился с Вячеславом Михайловичем, — начал рассказывать Барасби Хамгоков, — на совещании животноводов в Кремле. Когда мы приехали в гости к Вячеславу Михайловичу, он, поздоровавшись со мной, сказал: «А, Барасби, мы, кажется, с вами знакомы» — и крепко пожал мне руку. Я очень рад, что Вячеслав Михайлович помнит меня. Какая у него замечательная память! Провели мы в гостях у Вячеслава Михайловича целых 6 часов. От радости все это время я не знал, что делать. Много веселились, смеялись, пели.

На виноградниках Артека.

Вячеслав Михайлович очень веселый, жизнерадостный и хороший. Детей он крепко любит, и нам с ним было хорошо. Замечательно провели мы этот день.

— Я приехала в Артек из Казахстана Карагандинской области из детского дома, — начала свой отчет Роза Шамжанова. — Никак не думала, что мне выпадет такое счастье — поехать делегаткой от Артека к Вячеславу Михайловичу. Меня в делегацию выбрал 4-й отряд Нижнего лагеря.

Вячеслав Михайлович запросто с нами разговаривал, пел песни, гулял по парку, шутил. Было хорошо и просто, словно жили мы вместе с ним целые годы.

— Когда мне сказали, — рассказывала Тата Черемшанская, — что я поеду с делегацией к Вячеславу Михайловичу, как-то дыхание захватило и сердце быстрее забилося от радости. Ехали мы к большому и любимому человеку. Не буду скрывать, — страшно волновались.

Но потом это быстро прошло. Вячеслав Михайлович тепло и дружески, как родной, с нами поздоровался. Мы и не заметили, как разговорились.

Уезжать от Вячеслава Михайловича нам страшно не хотелось.

— Вначале я очень стеснялась, — сказала Тамара Сулейманова, но потом так разошлась, что даже станцевала свой родной узбекский танец. Вячеслав Михайлович сказал «очень хорошо». Он спросил меня, где я научилась танцевать. Отвечала я уже смело, что в Ташкенте, в клубе.

Приеду домой, расскажу об этой поездке нашим ташкентским пионерам, о том, какой дядя Молотов близкий и хороший.

Пионерку Сулейманову сменил на трибуне Ньюма Латинский.

— С собой я взял скрипку, — начал он. — Думаю, может, придется сыграть. «Это наш скрипач. Мы даже со скрипкой приехали», отрекомендовал меня вожакий Вячеславу Михайловичу.

Вячеслав Михайлович подробно расспросил меня об учебе.

Я сказал, что учусь в особой детской группе Московской государственной консерватории и что скрипку дали мне из государственного фонда и сделал ее знаменитый мастер Страдивариус. «Береги эту скрипку», сказал мне Вячеслав Михайлович.

К концу нашего пребывания в гостях у Вячеслава Михайловича, он уже всех нас называл по имени. Когда я сыграл арию Мефистофеля, то Вячеслав Михайлович попросил меня сыграть одну за другой еще три вещи.

Теперь я буду еще упорнее учиться и учиться. Шесть часов, проведенные вместе с Вячеславом Михайловичем, самые хорошие часы в моей жизни, и они останутся в памяти на долгие годы, на всю жизнь!

— Товарищ Молотов меня спросил, откуда я приехал в Артек и за что послан. Я ответил, что из Борисоглебска, Воронежской области, а в Артек послан за изобретательство, — докладывал Митя Лянгузов.

Вячеслав Михайлович заинтересовался и начал рас-

спрашивать. Я рассказал ему о сконструированном мною приборе для топографических съемок, на который мне выдано авторское свидетельство. «Сколько у тебя изобретений?» спросил Вячеслав Михайлович. Я ответил, что двадцать, и среди них манометр для автомашин, прибор для отсчета глубины погружения свай, указатель скорости движения автомобиля, автоматический нивеллир, устройство сигнализации при перегреве подшипников. «Продолжай работать», сказал мне Вячеслав Михайлович.

...На горизонте клубились легкие багряные облака. По морю, как чудесная жар-птица, плыл озаренный заходящим солнцем теплоход. В рощах звонко пели перед сном птицы. Расположившись живописными группами, лагерь слушал отчеты своих делегатов.

ДО СВИДАНИЯ, АРТЕК!

Лагерь с нетерпением ждал ответа из Москвы — состоится ли прием артековцев в Кремле.

— Как ты думаешь, Алеша? — спрашивал Барасби.

— Как сказал Вячеслав Михайлович, так и будет, — немногословно отвечал Ким.

Но сомнений у ребят было много. Пионеры отлично знали, что дел у главы правительства очень и очень много.

Ночью пришел ответ, а утром все артековцы ходили сияющие. Весь Нижний лагерь, двести пионеров с вожатыми, через несколько дней поедет в Москву!

Быстро в сборах бежало время. Темным сентябрьским вечером собрались на последний костер и, мечтая, смотрели на рдевший пепел.

На сине-черный небосклон из-за рваных краев тучи выплывала огромная желтая луна. Поднимаясь выше, она светлела, и тогда в море заструились серебряные ручейки.

На другое утро по дороге к шоссе один за другим отходили переполненные автобусы.

— До свиданья, Артек, до свиданья! — кричат отъезжающие.

Это, пожалуй, была единственная смена, уезжавшая из Артека без слез и грусти.

Вот и шоссе. Гладкая дорога вьется между горами. Мимо бегут зелено-оранжевые виноградники, отягощенные фруктами сады. За автобусами клубится легкая белая пыль.

После Алушты дорога круто пошла вверх, в горы. Все меньше цветов. Кипарисы и миндаль сменяются северными породами. Густой зеленый мох окутывает толстые грабы.

— Так холодно, что даже жарко становится, — шутит кто-то из вожатых.

Чатырдагский перевал остался позади. Скрылось море. Дорога теперь круто пошла вниз.

Ночевали в Симферополе.

На станцию провожать артековцев пришли симферопольские пионеры. Среди самого разгара захватывающего веселья, плясок, песен и музыки с шумным грохотом подкатил вдруг скорый поезд. Пока к вагонам Артека быстро прикрепляются алые полотнища с огромными буквами «Спасибо Сталину, партии, правительству за солнечный Артек», «Да здравствует почетный артековец В. М. Молотов» и другие, первый эшелон отъезжающих ребят размещается в поезде.

Из окон вагонов уже выглядывают их загорелые лица, полные искрящейся радости, юного задора, счастья.

— До свиданья! До Москвы! — кричит из окна вагона Барасби.

— А мы вас нагоним и перегоним! — отвечает Мамлакат, остающаяся со вторым эшелоном на станции.

Через три часа следующим поездом уехали и остальные отряды.

В ПУТИ

За окнами вагонов стелется, убегая, равнинный северный Крым. Вот вплотную к железнодорожной насыпи подступили воды Сиваша. Искрятся конусы соляных куч. Выжженные солнцем сивашские солончаки кончились, и замелькали золотистые скирды пшеницы на тучных полях Украины.

Поймали ежа.

В пути, так же как и в Артеке, строго соблюдается первый и второй завтраки, обед, чай, ужин. Запасов винограда, яблок, шоколада и различных продуктов хватит до Москвы. Да и на станциях обилие продуктов, фруктов, арбузов, дынь.

— В Артеке поправилась на четыре килограмма шестьсот грамм. Да еще в дороге придется поправиться, — смеется круглощекая Роза Шамжанова.

Ребята начинают подсчитывать. Каждый из пионеров прибавился на три-пять килограммов, а вот Нишамбай Кадыров даже на целых семь. Следовательно, вся смена увозит с собой что-то около тонны прибавки в весе.

— А я в Артеке на два сантиметра выросла, — говорит Мамлакат.

Начали опять считать. Вышло, что смена в общей сложности выросла почти на четыре метра.

Ребята весело хохочут.

На больших станциях артековцы собираются вокруг гармониста, звенит песня за песней. Песни сменяются плясками. Веселых пассажиров провожают тепло, особенно дети. Машут им на прощанье руками, кепками.

— Откуда вы? — спрашивают на одной из станций.

— Мы из Артека! — с достоинством отвечают пионеры.

Одно из купе заняла редколлегия. Вскоре на стене вагона вывешивается стенгазета «Артек — Москва» с мчащимся среди зеленых полей, в клубах пара, поездом. На остановках стенгазету прикрепляют к наружной стене вагона.

В соседнем купе состязаются декламаторы. Всем понравилось «Письмо Ворошилову».

Товарищ Ворошилов,
Первым за тобой,
Товарищ Ворошилов,
Брат помчится в бой.
Он хоть мертвым ляжет,
Но и в смертный час
Он врагу покажет,
Как тревожить нас.
Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Братец мой погибнет,

Напиши ты мне!
Я почти что вырос,
Я сменю его,
Я возьму винтовку
Брата моего!

Взволнованные стихотворением, ребята молчали. Конечно каждый из них поступит так же.

— А я видела Буденного! — прервала молчание маленькая пионерка.

— Расскажи!

— Да он не один был, а с другими командирами. Мы его спросили: «Вы и есть дядя Буденный?», а он засмеялся и говорит: «Какой же я Буденный, Буденный ведь на коне...»

Ребята засмеялись.

— Ну, а потом?

— А потом Буденный сказал, что это он, и долго разговаривал с нами. Очень интересно!

— Ребята, пора спать, — вошел в купе дежурный вожатый.

Поезд только что отошел от ярко освещенного вокзала и нырнул в ночь. На стрелках еще мелькали рубиновые и изумрудные огоньки.

Пошел дождь. Ветер стучал в стекла окон дождевыми каплями. Вздрагивая на стыках рельс, быстро мчался поезд. Мимо неслись широкие поля, темные рощи, светлые полосы рек, теплые, золотые огни колхозов, яркие огни фабрик, станций, городов.

ПИСЬМО СТАЛИНУ

Утром пионеров разбудило солнце. Поезд шел лесом, омытым дождем. В открытые окна врывался свежий ветер.

После завтрака опять зазвенели песни.

О детстве счастливом, что дали нам,
Веселая песня, звени!
Спасибо великому Сталину
За наши чудесные дни!

Когда был пропет этот куплет, один из певших предложил:

— Ребята, давайте напишем письмо Сталину!

Сразу стало тихо, а затем захлопали ладошки и посыпались возгласы:

— Вот это правильно!

— Напишем, как отдыхали!

— И что в Москву едем!

— Надо коротко, чтобы не отнимать у товарища Сталина много времени!

Ребята быстро выбрали редакционную группу из пяти пионеров. Им освободили купе. Но поминутно туда заходили пионеры с предложением вставить в письмо такую-то фразу.

Через полтора часа письмо было готово. Под ним с радостью подписались все ребята.

«От артековцев товарищу Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, пионеры, возвращающиеся после отдыха в Артеке, пишем Вам письмо в скором поезде Севастополь—Москва. За окнами наших вагонов мелькают колхозы, фабрики, заводы, города нашей прекрасной, горячо любимой, великой родины.

Весело в нашем поезде. Звенят песни, играет баян, пионеры едут окрепшие, загорелые и веселые.

Двести пионеров Нижнего лагеря Артек в общей сложности прибыли в весе почти на тонну и выросли на 4 метра.

Великолепно отдыхать в Артеке дружной, единой семьей.

За это лето в лагере отдохнули 2 000 пионеров, а за все время его существования, по осень 1936 года, около 18 000.

Хорошо нам жилось в Крыму, и все же мы рады, что каждый оборот колес приближает нас к Москве, где живете Вы — наш любимый Сталин.

Обещаем, что с новыми силами будем учиться только на «отлично».

Наши сердца переполнены горячей благодарностью Вам, товарищ Сталин, за счастливое и радостное детство.

Просим передать привет нашему почетному артековцу — всеми горячо любимому Вячеславу Михайловичу Молотову».

Я—из Артека!

Через три-четыре дня письмо это было опубликовано в «Правде».

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

Москва была все ближе, но нетерпение возрастало. У девушки-проводника пионеры то и дело наводили справки о том, когда же поезд придет в Москву.

— Вечером приедем, — с улыбкой отвечала она.

В чемоданчики и рюкзаки ребята укладывали коллекции камней, ракушек. Шлема Нодельман обвязывал нарисованную им картину «Сталин и Чкалов». Он вез ее в подарок редакции «Правда». Миша Кулешов копошился около модели автомотриссы.

— Я еще не был в Москве, — говорит крутолобый пионер Митя.

— Москва, Митя, огромный город, — говорит ему вожатый. — Москва — столица Советского Союза. В Москве живет больше трех с половиной миллионов людей. В Москве сходятся одиннадцать железнодорожных магистралей. Канал Волга—Москва сделает Москву портом пяти морей. В Москве строится самое высокое здание в мире — Дворец Советов...

Чем ближе к Москве, тем чаще мелькают за окнами огни. Вихрем пролетают встречные поезда. На горизонте постепенно светлеет полоска, а затем охватывает полнеба.

— Москва! — восторженно кричит Ньюма Латинский.

— Скоро Москва! — повторяет пионерка Хафиза Рахматулаева, и в ее черных глазах горят веселые искорки.

Поезд подходит к Москве. У окон тесно. Свежий ветерок ласкает разгоряченные лица. Из окон, в ночь, летит песня за песней. Приближается Москва. Столица залита морем электрических огней. Поезд замедлил ход и остановился, упершись в стену огромного вокзала.

— Вот ловко! — восхищенно говорит Митя, — поезду-то на самом деле дальше идти некуда.

Через подземный тоннель отряды артековцев прошли под вокзалом на площадь. Там их ждали большие автобусы, мягко покотившие пионеров по зеркальному асфальту широких улиц и площадей. Белорусские, поволжские, сибирские, кавказские пионеры прильнули к окнам.

Как в сказочном калейдоскопе, мелькали гигантские дома, вереницы автомобилей, трамваев, автобусов, потоки пешеходов. Сверкали огни реклам. Яркими рубинами рдели буквы «М».

Хитрый лисенок Рыжик.

— А что это за «М»? — спросила, пораженная бурным уличным движением, светлоглазая пионерка Маруся.

Вожатая объяснила ей, что буквы «М» обозначают вход в подземные станции метрополитена, и что глубоко под землей, в тоннелях, с огромной скоростью летят поезда с тысячами людей.

Наконец автобусы остановились у многоэтажного здания деткомбината Военной академии. С артековцев сняли запыленную в дороге одежду, выкупали их и, накормив вкусным ужином, уложили спать.

ВО ДВОРЦЕ МОСКОВСКИХ ПИОНЕРОВ

На другой день артековцы осматривали Москву, а вечером, по приглашению московских пионеров, поехали к ним во дворец.

За фигурной железной оградой, на гладкой, как пол, асфальтированной площадке, освещаемой гроздьями золотисто-молочных шаров, колонна артековцев выстроилась перед колонной представителей московских пионеров.

— Пионеры Москвы приветствуют пионеров солнечного Артека!

— Артековцы приветствуют пионеров славной Москвы, — дружно отвечают загорелые «южане».

Обе колонны вместе звонко поют песнь «О родине».

Провожая гостей в свой дворец, хозяйева на ходу рассказывают его историю.

Сам товарищ Сталин велел выстроить в Москве Дом пионеров и октябрят. Секретарь Московского комитета партии Никита Сергеевич Хрущев горячо взялся за руководство строительством. Пока решили для дома пионеров предоставить освободившееся помещение Общества старых большевиков. Советские архитекторы, художники, скульпторы, строители капитально переделали этот дом, когда-то принадлежавший одному из богатых купцов.

— Присоединили и вот этот соседний дом. Там наша деревообделочная мастерская, маленькая железная дорога, метро, радиокомната, телефон... — объясняют группе артековцев московские пионеры.

Роскошный вестибюль залит светом. Огромные зеркала создают впечатление, что он в десять раз больше и в нем в десять раз больше людей. Внимание артековцев привлекает фонтан. Журчат и искрятся струйки. Через мосты, тоннели, меж камней, изображающих горы, то исчезая, то появляясь вновь, быстро мчится маленький поезд.

— Здорово сделано! — восхищается Миша Кулешов.

Пройдя несколько шагов, артековцы опять остановились перед чудесным гротом. С потолка свисают stalactites. Стены из камня, неровные, как в настоящем гроте около Артека.

Широкая белая лестница с красивыми перилами ведет в зрительный зал. Выйдя всем лагерем на сцену, артековцы пели свои песни, плясали, декламировали.

После концерта, прошедшего с большим подъемом, артековцев повели осматривать дворец. Вот из зеленых зарослей зимнего сада на пионеров оскалилась клыкастая морда тигра. Кричат попугаи. Стены сада покрыты большими картинами, изображающими джунгли.

Ребятам нравится и соседняя комната отдыха с мра-

На пароходе.

морными стенами и с чудесным ажурным потолком. В комнате сказок длительная остановка. Здесь на стенках: дуб зеленый, золотая цепь и кот ученый, Конек-Горбунок, Чудо-юдо-рыба-кит, лебедь, рвущийся в облака, щука, тянущая в воду, и огромный рак, пятящийся назад.

В комнате истории Москвы пионеры с интересом разглядывают макеты старинной Москвы, Москвы настоящей и Москвы будущей, макеты баррикад Красной Пресни, строящегося Дворца Советов.

— Какая Москва была маленькая, смешная да грязная, — говорит один из артековцев.

Пионеры попадают в кабинет туриста. С потолка свисает люстра, изображающая земной шар. Потолок и стены расписаны картинами снежного Севера, Средней Азии, Кавказа, Крыма, Днепрорэса, Ленинграда. В массивном столе, стоящем посредине комнаты, три больших застекленных круга. В них компас, макет лагеря туристов и звездное небо.

Директор дворца включает ток. На большой карте Советского Союза загорелись белые огоньки, показывающие места расположения крупной промышленности: синие — железа, — рубиновые — нефти, зеленые — угля. Вся карта горит и переливается хризолитами, изумрудами, бирюзой, рубинами.

— Ой, как красиво! — не выдержали артековцы, хлопав в ладоши.

— А это что? — спрашивает один из пионеров, показывая на изображенное на дверях судно с развевающимися парусами.

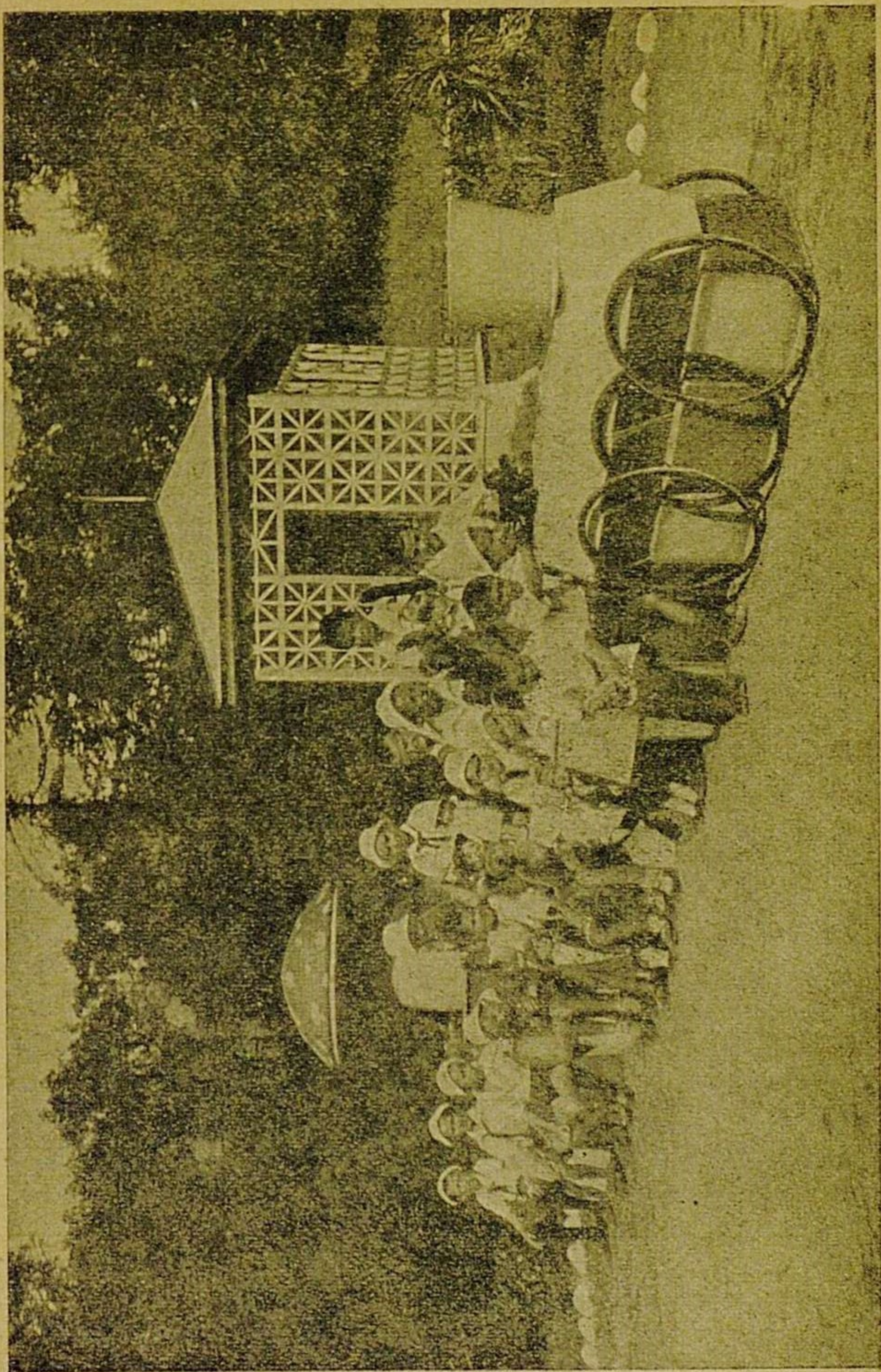
— Это парусное судно Христофора Колумба, на котором он открыл Америку.

— А... — и пионер с уважением начал рассматривать картину.

В кабинете Красной армии артековцы осматривали модели самолетов, танков, кораблей и огромную карту гражданской войны. Здесь можно играть в бои.

Шахматисты остались в восторге от комнаты со стенами из шахматных квадратов и огромными деревянными конями, турами, королями.

— Ребята, а вот в этой комнате и про нас есть! — кричит кто-то из артековцев.

Самые маленькие артековцы.

Вот Молотов среди артековцев. Вот виды Артека. Маленькая Мамлакат, вбежав, притихла перед картиной, изображающей Сталина с ней, с Мамлакат.

А под конец артековцев повели в огромную комнату игр. На пушистых коврах лежали груды игрушек: карусели, куклы, мишки, обезьяны, жирафы, автомобили, поезда.

— Много ходят к вам во дворец? — спросили ребята директора.

— Да тысяч по сто в месяц, — ответил он, — но в Москве пятьсот тысяч ребят и кроме Дворца пионеров этим летом для них открыты еще двадцать шесть парков и садов, где много игрушек и зеленых лужаек.

Дворец пионеров с морем света, мрамором, нежными тонами красок, замечательной мебелью, богатыми кабинетами и разнообразием игрушек очень понравился артековцам.

— Хорошо! — заключили они.

Поздно вечером артековцы поехали обратно к себе в деткомбинат. Третий отряд распевал вновь выученную песню московских пионеров.

Мы растем, мы поем, мы играем,
Мы в счастливое время живем,
С песней дружною мы открываем
Пионерский наш радостный дом.
Вы, трамваи, звените потише
У реки, на бульварном кольце,
Чтобы Сталин любимый услышал
Нашу песню в Кремлевском дворце.

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

Выстроившись в широком и просторном зале деткомбината, артековцы притихли и затаили дыхание.

— 17 сентября 1936 года к 12 часам дня, — провозглашает дежурный вожатый, — пионеры и вожатые Артека приглашены в Кремль на прием к правительству.

Вихрь радости и восторга промчался по залу. Артековцы прыгали, обнимались, смеялись, хлопали в ладоши.

Начали готовиться. Все мысли и разговоры вращались вокруг предстоящего приема в Кремле.

Хорошо!

Наконец, наступило долгожданное 17-е сентября. В четырехэтажном здании, занятом артековцами, с раннего утра многоголосый шум веселой спешки, песни, радостные возгласы.

Удобные автобусы повезли пионеров к Кремлю. В каждом автобусе отряд, из каждого автобуса всю дорогу несутся песни.

Вот и сияющие золотом и самоцветными камнями звезды на пиках кремлевских башен.

Автобусы выехали на просторную Красную площадь и полукругом встали против древней Спасской башни. Куранты играют «Интернационал». До приема еще целый час.

Пионеры разглядывают Красную площадь и мавзолей. Там с орденом Красного знамени на груди лежит великий Ленин. Строгой синевой горят острия штыков часовых. За зубчатой стеной, над круглым зданием, полощется по ветру большой алый флаг. Через пло-

щады мчатся стремительные потоки автомобилей. Ребята осматривают площадь, удивляются ее ширине.

— Ну, соколы, пора в Кремль! — раздается чей-то громкий возглас.

Артековцы, в синих матросских бушлатах, гуськом проходят через Спасские ворота в кремлевской стене. Какая она широкая, эта стена.

Идя по двору, пионеры смотрят на знаменитую сорокатонную царь-пушку, отлитую в 1586 году мастером пушечных дел Андреем Чоховым. Эта пушка не стреляла, да и не могла стрелять из-за неправильного технического расчета.

Длинные кремлевские коридоры привели артековцев в большой зал.

«Это был, — писали на второй день газеты, — совершенно необычный прием. В большой овальный зал, где происходят заседания Совета народных комиссаров СССР, собралась шумная и жизнерадостная детвора. 200 пионеров и октябрят, на-днях приехавших в столицу после отдыха в замечательном солнечном Артеке в Крыму, пришли сюда для встречи с руководителями союзного правительства. Здесь — пионеры со всех концов страны: с Дальнего Востока, Средне-Азиатских республик, Кабардино-Балкарии, Молдавии, Белоруссии, Восточной Сибири, Башкирии, Татарии, Еврейской автономной области, Москвы, Ленинграда... Впитавшие в себя живительные лучи крымского солнца, смуглые, полные сил и здоровья, дети наполнили зал неиссякаемой бодростью, радостью, весельем».

В зале много столов. Они заставлены вазами, наполненными фруктами, шоколадом и печеньем.

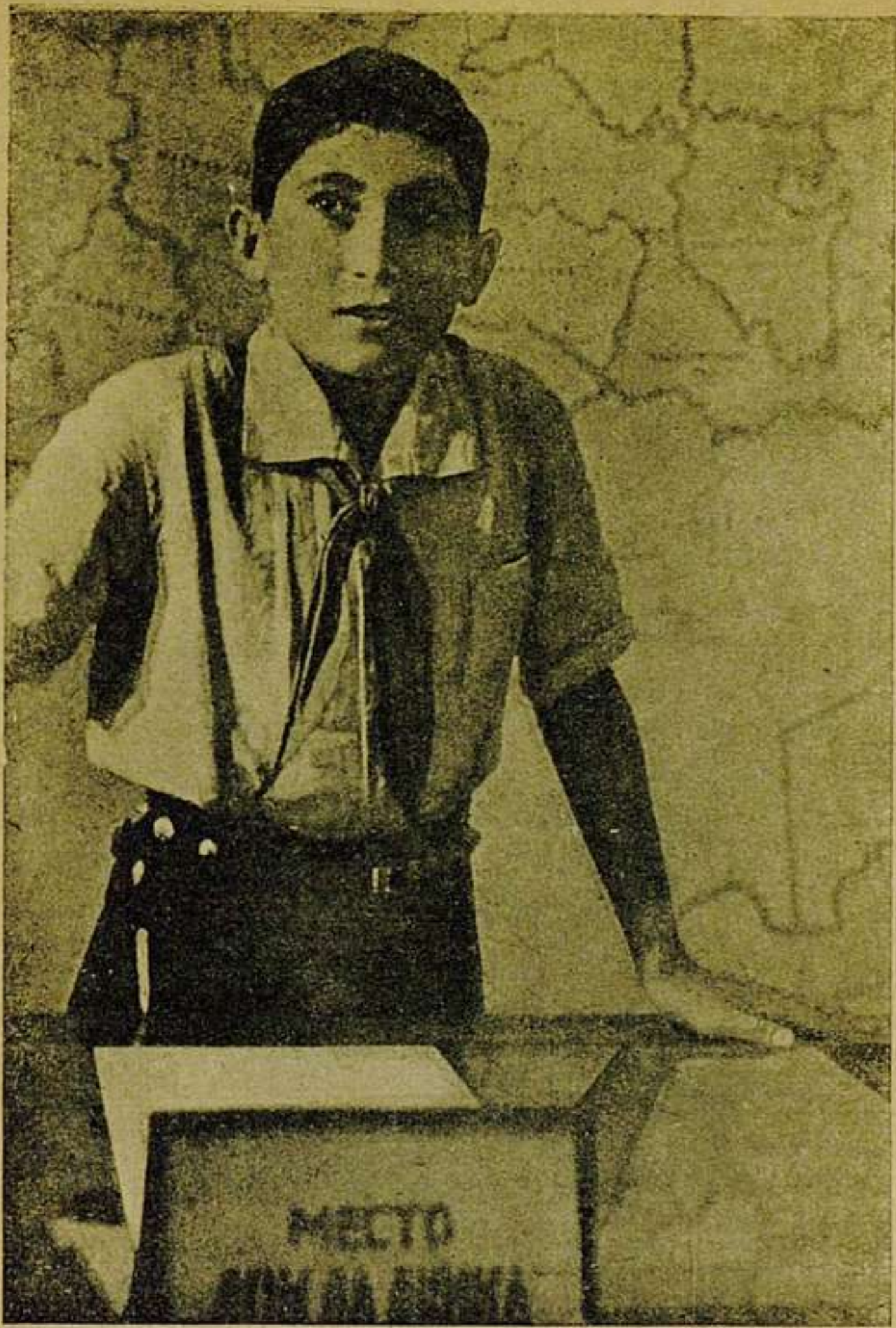
Артековцы расселись за столами, рассматривая лепные украшения стен, потолка и большие развешанные на стенах карты.

По залу все чаще перекачивается веселый, жизнерадостный шум и счастливый гомон.

Стрелки часов на мгновение замерли на цифре 12.

— Молотов!

Пионеры повернули головы. В зал входил председатель Совнаркома Союза. Ребята поднялись со стульев, встречая своего друга восторженными аплодисментами и улыбками.

Барасби стал за столик докладчика.

Звонкие крики сливаются в общее дружное приветствие.

— Привет товарищу Молотову!

Гремят аплодисменты. Артековцы счастливы. Раздаются приветствия в честь любимого Сталина, коммунистической партии, почетного артековца В. М. Молотова, ленинского комсомола и его руководителя товарища Косарева.

В зале звенит артековский марш:

Буряты, негры, русские
В одной гурьбе.
Здесь крепнут наши мускулы
К одной борьбе.
Помним мы век
Артек! Артек!

— Артековцам привет! — кричит ребятам товарищ Молотов.

Криками «ура» и нескончаемыми приветствиями отвечают артековцы.

Самая маленькая орденоноска, смуглая Мамлакат, идет к столу президиума с большим букетом цветов и передает его товарищу Молотову. По поручению артековцев, она передает товарищу Молотову и альбом со снимками Артека. Затем пионеры подносят букеты ярких цветов товарищу Косареву. Опять гремят аплодисменты.

— Ну, ребята, расскажите, как вы отдыхали. Кто может рассказать, как провели вы отдых в Артеке? — улыбаясь, спрашивает товарищ Молотов.

Никто не решается выступить первым. Кремль. Зал заседаний Совнаркома, где решаются важнейшие вопросы Советского Союза. Обстановка необычная, и ребята, обычно смелые, смущаются и заставляют говорить друг друга взглядами.

— Кто же начнет, кто здесь самый храбрый? — опять спрашивает товарищ Молотов.

— Барасби. Барасби у нас самый храбрый...

— Пусть говорит Барасби...

Барасби Хамгоков, отличный плясун и наездник, подходит к месту докладчика.

— В Артеке мы весело провели свой отдых и с новыми силами возьмемся теперь за учебу, — начинает Барасби.

— А чем занимались в Артеке, как проводили время? Отдыхали хорошо? — с чуткой предупредительностью спешит на помощь товарищ Молотов.

— Хорошо отдыхали.

— Загорели?

— Загорели.

Экскурсия на Ай-Далары.

— В море купались?

— Купались, катались на яликах, на моторной лодке.

— У вас настоящего отдыха-то, значит, не было? Все время были заняты.

Артековцы весело смеются.

Но Барасби пытается доказать, что отдых действительно был.

— Катались на велосипеде, ездили верхом на лошади, качались на качелях... — говорит он.

— А когда же отдыхали? — удивленно спрашивает товарищ Молотов.

— Так ведь это же и есть отдых, — убеждает Барасби.

— Ах, вот оно что, — соглашается товарищ Молотов, — так это, оказывается, и есть отдых. Ну, хорошо.

Артековцы опять смеются.

— Мы ходили на многие экскурсии, — продолжает Барасби. — Мы сейчас знакомы с побережьем Черного

моря, где есть интересные места. Каждый пионер привез из Крыма гербарий, коллекции камней. Мы приедем домой и расскажем всем ребятам, как отдыхали в Артеке, как хорошо там, и с новыми силами возьмемся за учебу.

Рассказ Барасби пионеры одобряют аплодисментами.

— Благодарим партию, правительство и товарища Сталина за солнечный Артек! — в заключение восклицает Барасби.

— Ну, кто еще расскажет об Артеке? — спрашивает товарищ Молотов.

— Мы просим передать нашему дорогому, любимому товарищу Сталину эту коллекцию, — говорит белорусский пионер Алеша Яцкевич, передавая президиуму светлый изящный ящик.

Этот ящик делали пионеры второго отряда. В нем, на белоснежной вате, коллекция крымских горных пород. Стоит лишь дотронуться до кнопок возле разноцветных камешков, как тут же вспыхивают лампочки, указывающие названия пород.

— Передадим! — кивают головами товарищи Молотов и Косарев.

Голубоглазый Губерт передает президиуму модель автомотриссы. Он же дарит товарищу Молотову богато иллюстрированную книгу «Губерт в стране чудес», изданную в СССР. Губерт — герой этой книги. На титульном листе он крупным почерком вывел: «Дорогому Вячеславу Михайловичу от Губерта».

Миша Кулешов передает почетному артековцу Вячеславу Михайловичу Молотову модель аэропоезда.

У аэропоезда поблескивают лопасти. Модель добротная. Вот и двинется по длинному столу.

— Делали модель Роза Уматулиева, Борис Клинецвич, Леша Царский и я. В Артеке я научился авиомоделизму. Приеду домой, кружок авиомоделистов органирую, — сообщает Леша.

— Вот это молодец, приветствую, — говорит товарищ Молотов под аплодисменты артековцев.

Четвертый отряд передает коллекцию горных пород Крыма товарищу Косареву.

— Вячеслав Михайлович! Какую песню вам спеть?

Вы слышали немало наших песен,— спрашивают ребята.

— «Песня о родине» хорошо у вас получается.

Эту песнь Вячеслав Михайлович вместе с артековцами пел в Крыму. Песня о любимой и вольной социалистической отчизне громко прогремела под сводами дворца.

— У вас так выходит «Родина», что повторяй ее хоть еще раз,— одобряет товарищ Молотов.

Прекрасную киргизскую песню о Сталине пропела на киргизском языке пионерка Роза Уматулиева. Эту песнь поет свободный и счастливый киргизский народ. Роза так перевела песню на русский язык:

Если бы не было солнца,
Не было бы деревьев.
Если бы не было воды,
Люди бы не жили.
Если бы не было Сталина,—
Люди не были бы счастливы.

Свои таланты артековцы демонстрируют чтением стихотворений, плясками, пением, игрой на музыкальных инструментах.

Тата Черемшанская читает стихотворение о тяжелой жизни китайского мальчика Чу-Лин, который мечтает о счастливой стране Ленина—Сталина. Пионерка Муха Залкинд читает свое стихотворение о том, как погиб красавец-гигант — самолет имени Максима Горького. Под умелым смычком Ньюмы Латинского оживает скрипка талантливого мастера Страдивариуса.

В ярких сарафанах выбежали к столу президиума таджичка Мамлакат и башкирочка Маруся с подругами. Они повели веселый хоровод и, притопывая ножками, пели:

Мы приехали в Москву
Не во сне, а наяву.
Увидали автобус,
Закричали: «Ай, боюсь!»
Хорошо, хорошо, замечательно!
Мы в колхозе родались
И на славу удались:
Щечки пухленькие,
Сами кругленькие.
Хорошо, хорошо, замечательно!

Главный корпус Суук-Су.

Матрешкам выпал заслуженный успех. Им горячо аплодировали. Кончив петь и плясать, матрешки побежали на свои места.

Корейские пионеры, маленький Алеша Ким и Митя Югай, спели песню на корейском языке. Узбекские пионерки Хамра Сулейманова и Махбула Юнусова разыграли на своем языке, с пением и пляской, сценку о колхозниках, — ударнике и лодыре.

— А теперь, — предложил кто-то, — пусть Барасби станцует лезгинку.

Артековский баянист растянул мехи своего баяна. Артековцы кричат «асса», хлопают в ладоши. Барасби стремительно вылетел в центр и лихо пляшет.

Товарищи Молотов и Косарев аплодируют.

С большим вниманием слушают они затем песнь «На линкоре». Артековцы поют ее с огромным воодушевлением.

Нам навстречу ветер буйный дул,
Ледяные брызги дождь ронял.
Но не потемнели жерла дул,
Не покрылась ржавчиной броня.

В яблочко.

Отбивают склянки четкий звон.
На рассвете флаг блестит алей.
Краснофлотцы берегут кордон,
Боевой мощью кораблей.
Буря, бей и, дождик, мороси,
И на рейд ложись, тяжелый лед.
Мы всегда готовы, начморсил,
Не в учебный, в боевой поход!

И после каждого куплета гулко звенит боевой припев:

Налетает вал на вал,
Ветер морем прям и скор,
Много вод в морях разволновал
Краснофлотский линкор.

Песня «На линкоре», ее замечательный мотив, очень понравились. Артековцев попросили спеть эту песню еще один раз, и она была пропета с еще большим подъемом.

«Среди собравшихся пионеров, — писала на другой день «Правда», — много ярких талантов, самород-

ков. Заботливо воспитываемые страной, они имеют все возможности стать учеными, профессорами, конструкторами новых изумительных машин, мастерами искусства».

Затем артековцы спели шуточную песенку «Наш Артек».

Мы на солнце загорели,
Словно негры, почернели.
Как приятно здесь купаться
И здоровья набираться.
Мы ходили в горы, в лес,
Много видели чудес.
Мы здоровья наберем
И домой его свезем.
Встретит нас родной отряд,
Вместе с нами будет рад.

После каждого куплета пионеры припевали «Наш Артек! Наш Артек! Не забудем его ввек!»

Последний куплет этой песенки артековцы намеренно пропели дважды:

У Артека на носу
Приютилось Суук-Су.
Наш Артек! Наш Артек!
Не забудем его ввек!

— Вы поете, — сказал товарищ Молотов: — «У Артека на носу приютилось Суук-Су!». Ваш намек нетрудно понять. Придется, кажется, передать Суук-Су пионерам.

Бурей восторга и благодарности ответили пионеры Молотову на его слова.

...Стрелки часов неуклонно движутся к двум. Нельзя больше занимать время председателя Совнаркома.

— Спасибо за прием, обещаем хорошо учиться, — за всех благодарит Тата Черемшанская.

— Дорогие друзья! — прощаясь с артековцами, говорит товарищ Молотов. — После отдыха полагается хорошо работать, а после работы, разумеется, опять будем отдыхать. Таков уж большевистский закон, особенно для ребят.

Помните о том, что в старое время многим поколениям трудящихся приходилось жить в других условиях, в другом обществе, где о счастливой жизни детей народа никто не думал и никто не заботился. Но

потому и пал, развалился этот старый, чужой для трудящихся строй. Теперь мы строим новую жизнь, и для того, чтобы по-настоящему довести до конца это дело, начатое лучшими людьми того времени — революционерами, нам нужны знания и знания. Юному поколению нашей страны нужно набрать много знаний и пустить их в дело. Нашей родине нужно много-много новых сил и настоящего здоровья, бодрости, смелости и умения работать...

Помните о том, что из вас должны вырасти сильные душой и телом, знающие свое дело строители социализма.

Помните еще о том, что любящим свою родину и не боящимся трудностей в борьбе за счастье народа указывает новый путь великая коммунистическая партия, ленинское учение, наш Сталин. Великому Сталину — ура!

Криками «ура» и нескончаемыми бурными аплодисментами отвечают артековцы на слова Молотова.

— Да здравствуют артековцы! Пионерам—ура!

Опять гремит бурная овация в честь лучшего друга детей товарища Сталина. И, как один, артековцы начинают петь «На линкоре».

— Прошу от всех нас передать привет отрядам пионеров там, куда вы сейчас вернетесь,— говорит артековцам товарищ Молотов.

Тепло прощаясь с пионерами, товарищи Молотов и Косарев выходят из зала, провожаемые аплодисментами ребят и песнями.

Радостно взволнованные артековцы длинными кремлевскими коридорами выходят на широкий двор и через Спасские ворота на просторную Красную площадь.

Восторженные, с сияющими от счастья лицами, покидают артековцы Кремль. Высоко над Красной площадью в голубом небе плывет серебристый самолет. За кремлевской стеной весело по ветру плещется красный флаг. Все так же строгой синевой поблескивают острия штыков неподвижных часовых у ленинского мавзолея. Через площадь стремительно мчатся потоки автомобилей. Голубые автобусы ждут пионеров.

ИСПАНСКИЕ ДЕТИ В АРТЕКЕ

В 11 часов дня 30 марта 1937 года в ялтинский порт вошел пароход. Над пароходом взвился флаг революционной Испании.

— Вива Россия! — закричали с парохода звонкие детские голоса.

— Да здравствуют дети героической Испании! — ответили им на берегу возгласом на испанском языке артековцы.

Весть о приезде детей из героической Испании мигом разнеслась по Ялте. С букетами весенних душистых цветов к пароходу спешили пионеры и курортники.

По-ротфронтовски подняв руки с сжатыми кулаками, испанские дети пели «Интернационал».

Голубые артековские автобусы повезли гостей в лагерь.

Вот и Суук-Су. 250 пионеров с флажками стоят по бокам дороги. Советские и испанские ребята горячо приветствуют друг друга. Всюду лозунги на русском и испанском языках.

Вместе с испанскими детьми в Суук-Су приехали испанский врач, две медсестры, четыре педагога и представитель испанского республиканского правительства.

Испанских детей разместили в корпусах Суук-Су. Их быстро вымыли, выдали им новые костюмы, показали врачам и, накормив еще раз, уложили спать.

На другой день артековские вожатые стали ближе знакомиться с новыми артековцами. Самому маленькому из них, Молино Лямас Альфредо, 6 лет, а самому старшему — 14. В большинстве это дети из Мадрида, Валенсии, Барселоны, Аликанте. Родители их сражаются против фашистов в рядах республиканской армии, часть детей осталась беспризорными или сиротами.

Из испанских ребят в Артеке организовали пять отрядов, прикрепив к ним лучших вожатых. Испанские ребята провели выборы председателей советов отрядов. Избраны и вожатые звеньев.

К каждому отряду прикреплен испанский педагог. Вожатые Артека вместе с испанскими педагогами вы-

Испанские дети в Артеке. Слева направо: Лаура, Чарито и Жозефа.

работали план обслуживания и воспитательной работы.

У советских и испанских ребят очень много вопросов друг к другу, и испанскую пионерку Чарито Бруно, немного знающую русский язык, рвут на части. Ей то и дело непонимающие друг друга кричат: «Чарито! Чарито!»

— Испания? — показывая вдаль, спрашивают артековцы. Хозе Сарагосса и Висенте Наварро берут палки, показывают, как в Испании стреляют, как падают люди, как летят фашистские самолеты, разбрасывая бомбы, и как фашистов гонят и бьют республиканские истребители.

— Пионер! — показывая на грудь, с гордостью говорит Висенте.

— Пионер! — повторяет о себе Хозе Сарагосса.

Артековцы спрашивают их о родных. На помощь приходит Чарито.

— У Висенте брат коммунист. Он сражается с фашистами в Гвадалахаре. Брат Хозе ранен и лежит в госпитале, а сестра-пулеметчица также была ранена. Но она уже вернулась на фронт и стреляет в фашистов.

Франциско Мансиа из Мадрида. 10 лет. Он смугл, и у него прекрасные черные глаза с густыми ресницами.

— Отец мой, — говорит Франциско, — на фронте воюет с фашистами. Мама с братишкой в Мадриде. Один брат в Валенсии, а двое маленьких в Тарагоне, в детском доме. Когда мне сказали, что я еду в Советский Союз, я побежал к окопам, чтобы найти отца и проститься с ним, но отца не нашел.

Глаза Франциско наливаются слезами, но он сдерживается и не плачет.

— В Мадриде фашисты снарядами и бомбами разрушили много домов, — продолжает он рассказывать. — Наш дом также разрушен бомбой, но при этом никто не был убит, потому что мы прятались в подвале. В Мадриде у меня осталось много товарищей пионеров. В Артеке и Суук-Су мне все нравится. Нравятся и советские пионеры, и вожатый, и здания, и парк, и море.

Уже на третий день испанские ребята с увлечением

распевают отдельные куплеты понравившейся им боевой артековской песни.

С каждым днем в их обиходе появляются все новые и новые русские слова. Испанцы учат артековцев испанскому языку, а артековцы испанских ребят — русскому.

Пионерка Люся Ван-Шин, выросшая в Советском Союзе и знающая только русский язык, показывает всем блокнот, который подарила ей испанка Марго. У Люси с Марго завязалась тесная дружба.

— Каждый день буду записывать и учить испанские слова, — говорит Люся, — меня учит Марго, а я — ее. Марго уже знает слова: «стакан», «хорошо», «нет», «доброе утро», «здравствуй», «мы с тобой подруги», «до свиданья» и уже умеет считать до десяти.

Артековские вожатые учат русскому языку прикрепленных к их отрядам испанских педагогов и одновременно учатся у них испанскому языку. Учеба идет очень успешно.

После зарядки и завтрака отряды занялись своими делами. Вожатая проводит с ребятами беседу, кто кем хочет быть. Отвечают решительно. Хозе Барререс, Ихинио Гранель, Мигель Паскуаль хотят быть только «пилото», а Мигуэль Ясер и Мануэль Эскрива — танкистами. Хозе Сарагосса согласен стать военным механиком. Для того чтобы разбить фашистов, нужно обязательно знать боевую механику.

Маленькие испанцы не хотят быть сейчас архитекторами, художниками, музыкантами, скульпторами. О «мирных» профессиях они намерены подумать после, а сейчас надо, обязательно надо, разбить фашистов.

По извилистой дорожке седьмой отряд идет в детскую техническую станцию. Перед входом ребята рассматривают огромные крылья планера. Рядом с ним цветет японская айва. Над дверьми лозунг на испанском языке.

В кабинете рисования восьмилетняя кудрявая испанская девочка Милягрос де-ля-Рокеты принялась рисовать военный корабль, девятилетний Хозе Марио — истребитель, а десятилетняя Луиза Бернальдо — крепость и крымские кипарисы. В авиамастерской ребята делают модели самолетов, парашюты.

— Дети приехали из страны, объятой гражданской войной; немудрено, что все их разговоры и действия связаны с войной, — говорят вожатые.

Испанские ребята в Артеке не скучают. Франциско в радиомастерской занят сборкой телефона. Педро Сепеда учится выбивать на барабане пионерский марш. Группа ребят гуляет по парку, в котором цветут сливы, яблони, миндаль. Пятый отряд забрался в комнату, где так много автомобилей, медвежат и других игрушек. Впереди артековские костры, экскурсии, походы, учеба в школе, концерты, игры и купание в море.

Испанские пионеры часто пишут письма в Мадрид, Валенсию и другие города Испании. Они пишут своим родным и приятелям о замечательном лагере счастливых советских детей — Артеке, — в котором их встретили как самых близких родных.

Многие испанские ребята написали свои воспоминания об Испании и первых впечатлениях в Артеке.

Одиннадцатилетняя Чарито Бруно пишет:

«Мы жили в Мадриде, а когда началась бомбардировка, то мама увезла меня и братишек в Аликанте. В Аликанте я поступила в пионерский отряд. До гражданской войны у нас в Испании не было пионерских отрядов.

Плохо детям жить в Испании. Дети не могут учиться. Какие уроки, когда стреляют из пушек, гудят взрывы, загораются дома. Ребята нервничают, а маленькие плачут. Они часто не знают, где их родители.

Как-то мы пошли гулять. Вдруг началась стрельба. Из одного дома стреляли фашисты. Я видела, как падают убитые люди. Но наши скоро выбили фашистов.

Очень страшной была одна ночь, проведенная в Аликанте. Над городом низко летали фашистские самолеты и сбрасывали бомбы.

Какие каналы эти фашисты! Чтобы дать знать, где город, они зажгли автомобиль, а германские и итальянские пароходы не тушили около города огней. Аликанте — красивый город, но фашистские самолеты разрушили много зданий, мостовые и сады. Я видела, как лежат разбросанные бомбами пальмы и убитые люди.

На осликах в горы.

Но фашистским самолетам здорово достается от республиканской авиации и артиллерии. Мой папа — республиканский летчик. Папа любит самолет. Он не раз участвовал в воздушных боях против фашистов. Перед моим отъездом в Советский Союз мне сказали, что во время боя самолет папы был подбит и упал. Но я уверена, что папа мой жив. И до этого уже случалось, что в его самолет попадали, но он доводил его до аэродрома.

Когда я вырасту, я также буду летчицей и обязательно буду коммунисткой.

Мне очень понравилось, как живут дети в Советском Союзе. Здесь дети довольны и веселы. А в Испании для детей из-за фашистов невозможно веселье.

В Советском Союзе и в Артеке мне нравится все, все, все!»

Другая испанская девочка, 12-летняя Амалия Декирос, пишет:

«В ночь, когда в Испании началась гражданская вой-

на, мой отец пришел поздно. Был он очень серьезен и вскоре опять ушел.

— Народ Мадрида, — слышали мы по радио голос Долорес, — борьба будет не на жизнь, а на смерть, но мы победим!

В ушах то и дело звучали слова «война! война!». На улицах было много народа. У отдельных зданий стояли пулеметы и танки. В различных частях Мадрида раздавали оружие. Проходящие автомобили реквизировались.

По радио передавали, что при тревоге следует бежать в подzemелья и нижние этажи зданий. Мной овладел страх. Я боялась, что в дом упадет бомба и убьет всех нас. В тот вечер я не кушала. Заснув, я тут же просыпалась от страшных снов. Так и не спала всю ночь. Налета не было, и я немного успокоилась.

Следующей ночью в Мадриде опять были потушены все огни. Издали слышалась перестрелка, но к ней мы уже привыкли. Рев сирены заставил нас побежать в подвал. Послышался шум аэропланов.

Из маленького подвального окошечка я смотрела наверх и видела вспышки света. Загремели взрывы. Мне казалось, что бомбы падают рядом.

Так прошли три месяца. Отец решил отправить нас из Мадрида. 5 ноября с детским домом мы уехали в Аликанте, а оттуда в Хакария, где жили два месяца. Здесь не было хищных железных птиц — фашистских аэропланов.

6 марта мы узнали, что поедем в СССР. 10 марта нас перевели в Валенсию, а через 9 дней рано утром пароход отплыл от берегов Испании. Хотя мы с радостью согласились поехать в Советский Союз, но нам было очень грустно покидать свою родину.

Десять суток плыли мы из Валенсии в СССР. Землю видели только в Константинополе. 30 марта мы увидели Ялту. В порту нас ждало много, много людей. Мы были очень взволнованы, кричали приветствия, пели.

Мы сели в автобусы и поехали в Артек. В Артеке была горячая встреча. Нам было очень радостно и приятно, что мы будем иметь таких хороших товарищей — советских пионеров.

Артек — так называется лагерь пионеров, где мы сейчас живем. Жизнь в Артеке здоровая и веселая. Большие залы, спальни с хорошими кроватями и мягкими матрацами, в столовой белые скатерти и хорошая сервировка,— в таких условиях мы будем жить. Все с большим комфортом. Везде радость и чистота.

Перед тем как встать утром, нам измеряют температуру. Если она нормальная, мы встаем и идем в ванную, где моемся до пояса. Приведя в порядок постели, идем в столовую, где сытно завтракаем. В другом здании мы пишем, читаем, играем на биллиарде, в шахматы и другие игры. Там много столов с необходимыми материалами для работы: карандашами, бумагой, кисточками, краской. В этом доме много цветов и большие веселые окна.

В двенадцать часов дня мы снова идем в столовую, где вторично завтракаем и снова возвращаемся в павильон, где делаем то, что нам больше всего нравится. После обеда и отдыха мы пьем чай и идем на техническую станцию, где изучаем авиацию, рисование, скульптуру, радио. Я решила изучить радио. В большом зале дворца мы делаем гимнастику и танцуем. После ужина читаем, умываемся и ложимся спать».

А вот и другие рассказы испанских ребят:

«Изменники начали войну. Фашисты думают, что у них что-нибудь выйдет с победой. Не выйдет. Победим мы, республиканцы.

Нашу деревню не бомбили, но я видела и слышала, как бомбили соседнюю — Гандиа. Я боялась, плакала и убежала в горы. Над моей головой вновь пролетали черные птицы, которые бомбили Гандиа. Там убили девятнадцать и ранили пятьдесят шесть человек. Большая часть из них женщины и дети.

Когда мы бежали, то очутились в Олива. Пятнадцать ребят отправили в Валенсию. Через несколько дней мы с песнями катались по Валенсии в трамвае, затем мы сели на пароход и поплыли в СССР. Я очень мучилась от морской болезни.

В Ялте и Артеке нас приняли очень хорошо. В Артеке нам измерили температуру, чтобы узнать, здоровые ли, и выкупали. У меня была небольшая температура,

и меня уложили в постель. На другой день температура снизилась, и мне разрешили бегать и играть. Я теперь бодрая и веселая. Только я не знаю, удастся ли мне увидеть мою дорогую, любимую маму, оставшуюся в Испании.

Камелия Примо, 11 лет».

«Когда фашисты подняли мятеж, мой папа с братьями тут же ушли в героическую милицию, чтобы бороться против фашистов. Моего папу 4 раза ранили. Последний раз он был ранен в Буитраго, где борется отряд товарища Пако Гальян.

Фашисты убивают много женщин и детей, поэтому моя мама решила отправить меня в детский дом в Аликанте, а сама занялась работой в казармах.

В Артеке жизнь у нас хорошая и веселая. Мы сытно кушаем, играем, поем, гуляем в парке, в доме, где классы, рисуем, лепим, изучаем телеграф, авиацию.

Мы во 2-м отряде с вожатой, которую мы любим. Она хорошая и веселая.

Эмилия Бернальдо Декирос, 13 лет».

«В детдоме в Валенсии я пережила две бомбардировки и от страха даже заболела. Из Валенсии нас отправили в Пальмо Дегандия, в детдом им. Максима Горького. Там я встретила братишку, которого не видела полгода. Едва его узнала.

Я лежала больная, когда спросили меня, хочу ли поехать в Руссия.

— Да! — ответила я и даже от радости поднялась с постели.

В Артеке, встречая меня и моих товарищей, русские пионерки и пионеры кидали в автобусы цветы.

Мария Пардна, 12 лет».

БОЛЬШОЙ АРТЕК

Через месяц после приема артековцев в Кремле, Суук-Су, как и было обещано товарищем Молотовым, был передан Артеку. Артек получил прекрасный подарок: 33 здания с богатой обстановкой и 60 га территории, половина которой — роскошный парк.

20 марта 1937 года Суук-Су принял первые 100 пионеров из Москвы, Ленинграда, Горького, Минска. На воротах Суук-Су через массивные каменные столбы перекинулся плакат: «Да здравствует почетный артековец товарищ Молотов». По бокам алые полотнища с надписями: «Привет первым пионерам лагеря Суук-Су» и слова товарища Молотова, сказанные им на приеме артековцев в Кремле: «Ваш намек нетрудно понять. Придется отдать вам Суук-Су».

Артек стал теперь большим. Он имеет 3 лагеря: Верхний, Нижний и Суук-Су. В Верхнем лагере летом 1937 года одновременно отдыхали 200 октябрят, в Нижнем лагере — 250 пионеров и в Суук-Су — 400 пионеров в смену.

Каждую смену в Артеке отдыхает 38 отрядов пионеров и октябрят. В 1936 году в Артеке отдыхали 2 000 пионеров и октябрят, в 1937 году Артек пропустил свыше 4 000. С каждым годом Артек будет все больше и больше расти.

В Артеке начались подготовительные работы к большой реконструкции лагеря. Артековцы мечтают о набережных из мрамора, о самодвижущихся лестницах, о своем зоопарке, о большом краеведческом музее, о планетарии, водной станции, манеже, своем трамвае, железной дороге, метро.

Деятели науки и искусства, будучи в Артеке, заявили, что художники, архитекторы, скульпторы, ученые Советского Союза помогут Артеку составить генеральный план реконструкции Артека.

Лелеемый партией, правительством, комсомолом, всей страной Артек превращается в чудесный грандиозный лагерь пионерии, достойный великой сталинской эпохи.

Детская библиотека
имени ТОЛСТОГО

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
У Медведь-горы	3
Море!..	8
Маленькая пограничница	11
Миша-волкодав	12
Быть первым!	15
Спасли от крушения поезд	16
Юные орденоносцы	16
Делегация к Молотову	20
В Артек приехал Молотов	23
Замечательный костер	24
До свиданья, ребята!	29
А через год	30
В лагере	34
Артек вечером	37
В гостях у предсовнаркома	40
Рассказы пионеров	46
До свиданья, Артек!	49
В пути	50
Письмо Сталину	53
Здравствуй, Москва!	55
Во Дворце московских пионеров	57
Прием в Кремле	62
Испанские дети в Артеке	74
Большой Артек	82

ОФОРМЛЕНИЕ ЛУД. Н. ЖУКОВА

Ср и ст

Редактор *И. ШИФМАН*
Художественная редакция
А. АНДРЕАС

Технический редактор
М. ЛОЙТЕРШТЕЙН

Корректор *Н. СВАВИЦКАЯ*

Сдано в производство 21/VIII 1937 г.

Подписано к печати 9/II 1938 г.

М. Г. 639. Инд. Ю-2. Формат бумаги 82×110^{1/8}

5,5 печ. л., 4,15 уч. авт. л.

Уполномоченный Главлита Б-37115

Тираж 25 000. Зак. тип. 2175.

★

Фабрика юношеской книги издательства
ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 85 к.